

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА «ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

ЧТО ВЫСТОИТ ПОД УДАРАМИ ВРЕМЕНИ?

РИМИНИ, 2019

ЧТО ВЫСТОИТ ПОД УДАРАМИ ВРЕМЕНИ?

Упражнения Братства
«Общения и освобождения»

РИМИНИ, 2019

На обложке: *Христос воскрешает избранных в лимбе*

Образ схождения в лимб относится к циклу фресок конца XV века из капеллы Святого Себастьяна в Верхней Савойе. Христос – победитель смерти, олицетворяемой дьяволом, раздавленным дверьми ада, выводит из царства умерших усопших во главе с Адамом. В глаза бросаются некоторые детали: нагота усопших, подобная нагоде младенцев, появляющихся на свет; радость на их лицах, противоположная плачу новорожденных, ибо они знают, что жизнь, в которую они вот-вот вступят, есть жизнь вечная. Наконец, поражает фигура Иисуса, берущего Адама за запястье, а не за руку. Запястье – та часть человеческого тела, в которой прощупывается жизнь, а Христос вновь дарует ее. Адам не хватается за Христа, но в полном смирении позволяет Ему взять его.

«По случаю ежегодных духовных упражнений для членов Братства „Общения и освобождения“, проходящих в Римини на тему: „Что выстоит под ударами времени?“, понтифик сердечно приветствует всех участников и высказывает пожелание, чтобы память о жертве Христовой и о Его воплощении в истории становилась конкретной помощью, которую Бог Отец оказывает нам, позволяя преодолевать любые превратности и любую посредственность сегодняшнего дня. Папа Франциск призывает взглядываться в знамения времени и распознавать в многочисленных историях святости возможность созидания Его жилища в мире. Вместе с тем он от всего сердца по заступничеству Девы Марии преподает вам апостольское благословение, с радостью распространяя его на всех присутствующих, на ваши семьи и на все Движение».

Кардинал Пьетро Паролин,
государственный секретарь Его Святейшества
12 апреля 2019 г.

Пятница, 12 апреля, вечер

На входе и выходе:

Людвиг ван Бетховен. Симфония № 7 ля мажор, ор. 92

Герберт фон Караян – Берлинский филармонический оркестр

«Spirto Gentil» n. 3, Deutsche Grammophon

■ ВВЕДЕНИЕ

Хулиан Каррон

Пожалуй, никогда мы не приезжали сюда со столь ясным осознанием, что не в наших силах сохранять прекрасные вещи, происходящие в жизни. И пожалуй, сегодня мы лучше, чем когда-либо, сознаем, насколько нуждаемся в том, кто в состоянии выдерживать удар времени, а значит, и отвечать на нашу бесконечную нужду в долговечности.

Помолимся Духу Святому, единственному способному выстоять и исчерпывающе ответить на составляющее нас желание полноты.

Гимн Святому Духу

Начну с чтения телеграммы, которую направил нам Святейший Отец: «По случаю ежегодных духовных упражнений для членов Братства „Общения и освобождения“, проходящих в Римини на тему: „Что выстоит под ударами времени?“, понтифик сердечно приветствует всех участников и высказывает пожелание, чтобы память о жертве Христовой и о Его воплощении в истории становилась конкретной помощью, которую Бог Отец оказывает нам, позволяя преодолевать любые превратности и любую посредственность сегодняшнего дня. Папа Франциск призывает взглядываться в знамения времени и распознавать в многочисленных историях святости возможность созидания Его жилища в мире. Вместе с тем он от всего сердца по заступничеству Девы Марии преподает вам апостольское благословение, с радостью распространяя его на всех присутствующих, на ваши семьи и на все Движение. Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь Его Святейшества».

1. Неустрашимый вопрос

Меня глубоко поразил интерес, вызванный вопросом, который мы вынесли в тему этих совместных дней: «Что выстоит под ударами времени?» О нем говорит количество ваших писем – их две тысячи. Я по-настоящему вам благодарен за помощь, которую вы оказываете мне на нашем общем пути. Это

уже случилось в общении со студентами: получив тот же самый вопрос, они ощутили весь его вызов. Но для нас, взрослых, проблема становится еще важнее, ведь мы живем дольше, история за нашими плечами длиннее, а значит, и данных для ответа у нас больше. Мы решили поставить в центр духовных упражнений Братства тот же вопрос, поскольку и нам надлежит проделать такую же проверку.

Многие из вас получили его с удивлением, а удивление повлекло за собой прежде всего благодарность. «Я ощутила, как меня охватила огромная благодарность», – пишет одна из вас. Другой человек говорит: «Позволь поблагодарить тебя за вопрос, который ты пожелал разделить со всеми нами. Ты вернул нам сознание о том, что каждый является частью харизмы, повлиявшей на нашу жизнь и позволяющей нам быть здесь сейчас, чтобы всерьез принимать твой вопрос». И еще: «С бесконечной благодарностью жду упражнений. Мое сердце, пусть часто и утомленное, ожидает. Ожидает чего? Вновь услышать, как Он говорит, поскольку ничто так не наполняет мое сердце и не бросает такой вызов моему разуму, иными словами ничто так не возвышает мою человечность! Какая благодать мне выпала!»

Интерес, пробудившийся во многих из вас, указывает на то, что вопрос вы восприняли не отвлеченно, он имеет экзистенциальный характер и задевает в нас некий обнаженный нерв, затрагивает важнейшую жизненную проблему, от которой нельзя увернуться. Продемонстрированный вами интерес свидетельствует, насколько остро мы ощущаем потребность в чем-то долговечном. И это поражает еще больше, если вспомнить, что мы живем в «жидком обществе» и должны бы уже привыкнуть к тому факту, что ничто не вечно. И правда, довольно и одного взгляда на ситуацию, на образ жизни, присущий многим из нас, юным и зрелым, – и нам откроется непрочность и неустойчивость, непрестанная пляска противоречивых понятий. Часто нас затягивает в водоворот привязанностей, чувств, где все складывается и распадается слишком стремительно. В результате мы легко становимся жертвами разочарования. Кажется, ничто не выдерживает, время разъедает и опустошает все; случившееся вчера больше не захватывает нас, утрачивает свое очарование.

Джорджо Габер говорил об этом в песне «Нелогичная радость»: «Я знаю про мир и про все остальное, / я знаю, что все идет прахом»¹. Ему вторит Васко Росси: «Ничто не вечно, ничто не вечно, / И ты это знаешь»².

Однако, если ничто не вечно, почему же мы никак не успокоимся, почему мы пытаемся укротить или усыпить эту неотложную нужду, прибегая к помощи лекарств, как герой последнего романа Мишеля Уэльбека? Серо-

¹ *Lillogica allegria*. Слова А. Лупорини, музыка Дж. Габера.

² *Dannate nuvole*. Слова и музыка В. Росси.

тонин, пишет тот, – «это маленькая белая овальная таблетка с риской. Она не создает и не изменяет, она интерпретирует. Некогда окончательное превращает в преходящее, неминуемое – в случайность. Она формирует новую интерпретацию жизни: менее богатую, более искусственную, отмеченную определенной оцепенелостью. Она не приносит никакого счастья и не дает подлинного облегчения, ее действие другого рода: преобразуя жизнь в серию формальностей, она делает возможным обман. И тем самым помогает людям жить или по крайней мере какое-то время не умирать. И все же в конце концов смерть берет свое, молекулярная структура дает трещину, и процесс распада возобновляется»³.

Вопрос, звучащий на этих упражнениях, нельзя подавить, он возвращается во всей своей абсолютной неизбежности. «Эта драма [жизни]... – хотя порой ее и принимают за игру, а всевозможные скептики и счастливые невежды относятся к ней легкомысленно, – есть *единственная* драма. И от нее нельзя убежать, не отказавшись одновременно от жизни. В общем, драма серьезна, и наша жизнь не фарс по одной простой причине: она уникальна, и своей ролью ни с кем нельзя поменяться, от нее можно лишь отказаться»⁴.

2. Серьезное отношение к вопросу – первый жест дружбы

Первый дружеский жест по отношению к самим себе и друг к другу состоит в том, чтобы не устранять вопрос и принимать его всерьез. Для большого человека первый дружеский жест по отношению к самому себе состоит в том, чтобы всерьез принять собственную болезнь. Все просто. Если же болен твой друг, первый дружеский жест по отношению к нему – призыв позаботиться о себе. Обратный подход – пустить все на самотек и продемонстрировать таким образом отсутствие любви к себе.

Поэтому на первой же странице книги «В поисках человеческого лица» отец Джуссани предупреждает нас: «Главное препятствие на человеческом пути – небрежение нашим „я“». И следовательно, первый шаг на человеческом пути – «противоположность подобного „небрежения“», то есть «интерес к собственному „я“», к собственной личности. Интерес этот может показаться очевидным, но «он таковым вовсе не является». Действительно, достаточно посмотреть на наше привычное поведение, чтобы увидеть «какие обширные пустоты обнаруживаются в повседневном течении наших мыслей, какие провалы в памяти»⁵.

³ М. Houellebecq. *Sérotonine*. Paris: Flammarion, 2019. P. 346.

⁴ D. de Rougemont. *La définition de la personne* // *Esprit*. Décembre. 1934. P. 373.

⁵ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. Милан – Москва: Христианская Россия, 1997. С. 3.

Вот почему первое условие, о котором напоминает нам отец Джуссани, – именно любовь к самим себе, которая по отношению к себе есть первый жест дружбы. «Если этой... любви к человечности – не любви к человечности как к эстетическому объекту, рассматриваемому и трактуемому поэтически, а человеческой любви как привязанности, полной уважения и сострадания, милосердия по отношению к самим себе, любви, выражающейся в том, чтобы иметь к себе чуть-чуть той привязанности, какую твоя мать испытывала к тебе, особенно, когда ты был маленьким (да и когда ты вырос тоже), – если такой любви хотя бы отчасти нет в вас, если вы не испытываете ее к самим себе, то вам словно недостает почвы для созидания»⁶.

И значит, «первое условие для того, чтобы... Движение осуществлялось как событие... состоит именно в чувстве собственной человечности, в „любви к себе“»⁷. «Вот в чем начало, первейшее начало, – пишет Этти Хиллесум, – принятие себя всерьез... Такой же труд можно совершать и для ближнего: все больше вести его по направлению к самому себе, хватать его и останавливать в побеге от самого себя, и брать его за руку, и сопровождать к его истокам»⁸.

Только тот, кто в силу переживаемой на опыте любви к себе не списывает со счетов вопрос, в состоянии задавать его и другим. И потому настоящий друг – это человек, задающий вопрос, как задал его нам отец Джуссани: «Что выстоит под ударами времени?»⁹ Вопрос этот вынуждает нас быть самими собой и не пренебрегать нашим „я“, он не позволяет нам скатиться в пустоту. Многие из вас написали об этом. Прочитаю лишь некоторые отрывки: «Спасибо, что вывел меня из оцепенения, послав мне вопрос: „Что выстоит под ударами времени?“». «Я подумал, что твой вопрос мог стать вопросом, обращенным именно ко мне, а не просто заданным ради проформы, когда по обыкновению думаешь, что кто-нибудь да ответит». «Спасибо за твой вопрос, который „преследует“ меня с тех пор, как я его прочла, и не оставляет в покое. Спасибо за то, что ты побуждаешь нашу свободу и призываешь каждого из нас в обстоятельствах нашей жизни доходить до самой сути вещей». «Прежде всего хочу сказать тебе, что твой вопрос господствовал в моей повседневной жизни, по-настоящему сопровождал меня, когда я открывал глаза утром и закрывал их вечером».

Речь в конечном счете идет о неизбежном вопросе. Стоит померкнуть опыту, переживаемому в отношении с другом или любимым человеком, и он

⁶ L. Giussani. *Uomini senza patria* (1982–1983). Milano: BUR, 2008. P. 291.

⁷ L. Giussani. *Qui e ora* (1984–1985). Milano: BUR, 2009. P. 8.

⁸ E. Hillesum. *Il bene quotidiano*. Cinisello Balsamo (Milano): Edizioni San Paolo, 2014. P. 44.

⁹ Ср. X. Каррон, Л. Джуссани. *Живет то, что живет в настоящем!* С. 8.

возникает, пусть даже в нем может звучать нотка скептицизма: раз рухнула даже такая дружба, такая любовь, что же тогда способно выстоять?

У Франческо Гуччини есть одна песня, *Farewell*, описывающая этот феномен. В ней говорится об истории любви, подошедшей к концу: «Тогда легко было прожить каждый час», «нам казалось, мы нашли тайный ключ от мира», «встречаться вновь было как заново родиться. / Но в каждой истории есть одно и то же разочарование, завершение, и грех думать, что обычная история может быть особенной. Теперь время изнашивает нас и дробит нас на части»¹⁰.

О том же опыте свидетельствуют и многие ваши письма, как, например, следующее: «С возрастом я стала жестче, я защищаюсь от происходящего, чтобы не страдать. Вот в чем правда: время умерщвляет, оно проводит безжалостный отсев, выявляя все то, что не сохранилось. А сохранилось недостаточно, и, когда я это понимаю, меня охватывает сильный страх. Тогда я наслаиваю забвение, скрываю, темню, порой даже отказываюсь наслаждаться чем-то хорошим, лишь бы не проявилась безутешная боль, лишь бы она не разверзла бездну, которую я уже не смогу закрыть. Во мне преобладает своего рода вялость. Я, подобно старикам, устраиваюсь поуютнее в обрядах и привычках, аккуратно оставляя за рамками некоторые стороны моей жизни. В конечном итоге и мой опыт в Движении превратился в этакую „старую тетушку“, к которой я привязана; он, как ни печально, напоминает безопасное одеяло Лайнуса¹¹, анестетик, со временем вызывающий привыкание и уже больше не действующий. Я понимаю, что загвоздка именно здесь, что, чем больше я пытаюсь контролировать, чем больше приберегаю для себя, тем меньше спасается, тем меньше воскресает. Я знаю, мне нужно научиться жертвовать то, от чего больше всего, с чем я не могу разобраться и что в лучшем случае мне удастся спрятать, как грязь под ковром».

К такому же горькому выводу приходит и поэтический гений Бодлера: «Моя весна была зловещим ураганом, / Пронзенным кое-где сверкающим лучом; / В саду разрушенном не быть плодам румяным – / В нем льет осенний дождь и не смолкает гром. / Душа исполнена осенних созерцаний; / Лопатой, граблями я, не жалея сил, / Спешу собрать земли размоченные ткани, / Где воды жадные изрыли ряд могил. / О новые цветы, невиданные грезы, / В земле размоченной и рыхлой, как песок, / Вам не дано впитать животво-

¹⁰ *Farewell*. Слова и музыка Ф. Гуччини, 1993.

¹¹ Речь о Лайнусе ван Пельте, персонаже известной серии комиксов *Peanuts*. Он почти никогда не появляется без своего синего безопасного одеяла. Термин «безопасное одеяло» вошел в психологию для обозначения чего-то, за что человек хватается, чтобы достичь психологической уверенности и спокойствия. – Ред.

рящий сок! / Все внятней Времени смертельные угрозы: / О горе! впившись в грудь, вливая в сердце мрак, / Высасывая кровь, растет и крепнет Враг»¹².

Мы боимся, что в конечном итоге все превращается в ничто, все обман или видимость, как говорит Монтале: «Однажды поутру в воздухе стеклянном / Я, обернувшись, может быть, увижу чудо: / Пустыню с голым дальним планом – / И испугаюсь, как пьянчуга»¹³.

Гуччини, Бодлер, Монтале не позволяют нам вернуться к повседневности такими, какими мы были прежде, потому что они ставят нас перед крайней жизненной необходимостью. Их скептицизм или нигилизм вынуждают нас еще серьезнее считаться с вопросом. А иначе мы живем в отчаянии. Об этом пишет Уэльбек: «Лишенный как желаний, так и причин жить... я поддерживал отчаяние на приемлемом уровне; можно жить, будучи отчаявшимися, по сути большинство людей так и живет; порой они спрашивают себя, нельзя ли им позволить себе глоток надежды... и в конце концов дают отрицательный ответ. И все же упорно продолжают, и видеть это трогательно»¹⁴.

Однако друг – не только тот, кто задает вопрос, он еще и не отступает перед его масштабом, перед его неотложностью, не сбегает и не отвлекается; друг – не только тот, кто задает вопрос, но и кто принимает его всерьез. Мы приехали на упражнения для этого: чтобы нам помогли жить по истине, без необходимости смотреть в другую сторону оттого, что мы всего боимся, оттого, что нас пугает ничто.

«Кто помогает мне в моих трудностях и в моем одиночестве? – спрашивает один человек. – Кто сопровождает меня в принятии сложных решений? Как может быть спасено мгновение моей жизни? Со временем, после тридцати лет опыта, обогащенного даром веры, все частичные цели, которые я ставил и продолжаю ставить перед собой (некоторые уже достигнуты), неизбежно оставляют место для постановки этого вопроса. Сейчас ради меньшего [чем серьезное отношение к вопросу] мне не хочется даже пальцем шевелить ни в семье, ни на работе, ни с друзьями, ни уж тем более с незнакомыми людьми».

3. Ожидание

Наш приезд сюда говорит о готовности поддерживать друг друга в борьбе, которую ведет каждый из нас, в борьбе между тем, что уже ничего не ждешь, и невозможностью не считаться с составляющим нас желанием

¹² Ш. Бодлер. *Враг* (из сб. *Цветы зла*). Пер. Эллиса.

¹³ Э. Монтале. *Однажды поутру...* Пер. Е. Солоновича. (Forse un mattino andando in un'aria di vetro... // *Ossi di seppia*).

¹⁴ М. Houellebecq. *Op. cit.* P. 221.

счастья, счастья долговечного, не растворяющегося в течение одного дня или одного сезона.

Как остра и как распространена драма людей, думающих, что ответа на их вопрос нет, но в тоже время неспособных этот вопрос устранить. Толстой писал: «Человек оглядывается вокруг себя и ищет ответа на свой вопрос и не находит его. Он найдет вокруг себя учения, которые ответят ему на вопросы, которых он и не делает себе, но ответа на вопрос, который он ставит себе, нет... <...> И человек сознает себя одним во всем мире с теми страшными вопросами, которые разрывают его душу»¹⁵. Одним.

Иногда даже в друзьях мы замечаем страх перед определенными вопросами, как рассказывает один из вас: «Несмотря на все, что я пережил, услышал и увидел, в настоящий момент, когда ты задаешь мне вопрос, я отвлекаюсь, чтобы не впасть в отчаяние, поскольку бремя жизни слишком тяжело, особенно – страх, что вещи не вечны, что они исчезают. Время идет, и ничего не остается. Поднимая эти проблемы в разговорах с друзьями, я чувствую себя марсианином, который „слишком заикливается на смысле жизни и боится смерти“. И потому я отступаю и остаюсь наедине с собой, и, мне кажется, ничто не выдерживает удар времени».

Но именно этот разрывающий душу вопрос толкает Борхеса на непрестанные поиски возможного ответа: «Буду до скончания дней моих без усталости искать Его повсюду»¹⁶, обязуясь, таким образом, оставаться по-настоящему честным с самим собой.

Иногда кажется, что задавать себе вопрос – сумасшествие. И все же неотложная потребность, о которой мы говорим, настолько неотъемлема от нас, что, наперекор любому видимому здравому смыслу, честный человек не в силах от нее избавиться. Вот почему Камю голосом Калигулы бунтует и вопиет об истине такой неизбежной неотложности: «И все-таки я не сошел с ума, наоборот, я рассудителен как никогда. Просто я внезапно почувствовал, что мне нужно невозможное. <...> На мой взгляд, существующий порядок вещей никуда не годится. <...> Этот мир, такой, как он есть, выносить нельзя. Поэтому мне нужна луна, или счастье, или бессмертие, что-нибудь пускай безумное, но только не из этого мира»¹⁷.

Ответ найти трудно, и потому мы порой спрашиваем себя, не сон ли – то, что мы ищем. Испанский поэт Антонио Мачадо не только набирается смелости, чтобы всерьез поставить перед собой этот вопрос, но и указывает на условие,

¹⁵ Л. Н. Толстой. *О жизни* // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 26. М.: Худ. лит., 1936. С. 340.

¹⁶ Х. Л. Борхес. *Христос на кресте*. Пер. П. Грушко.

¹⁷ А. Камю. *Калигула*. Акт I, сцена IV // *Избранное*. М.: Радуга, 1988. С. 417.

которое поможет распознать знаки ответа, если вдруг они появятся. Он пишет: «Сердце мое, ты уснуло? / Не возвратятся рои / грез моих? Высох колодец, / мысли таивший мой? / Только лишь тьму извлекают / к свету пустые бадьи? / Нет, мое сердце не дремлет, / не погружается в сны, / но неустанно внимает / знакам с другой стороны, / слушает что-то на кромке / этой большой тишины»¹⁸.

Когда мы относимся к жизни серьезно, она ведет нас туда, на берег большой тишины, или Тайны, перед которой мы можем только замереть с глазами ясными, открытыми, чистыми, ожидая от самой Тайны какого-то знака, прислушиваясь к ее сигналам. Лишь тот, кто пребывает в позиции такой изначальной открытости, в состоянии уловить ответ на желание сердца, когда он появляется, когда он вторгается в жизнь, и распознать его приметы. Задавая себе вопрос, позволяя ему развернуться, мы становимся внимательными к любым крохам ответа, где бы они нам ни встретились.

Об этом прекрасно говорится в стихотворении Патрицио Барбаро: «Око смотрит. <...> Оно единственное может заметить красоту... красоту видно, потому что она жива, а значит, реальна. Скажем лучше, может так стать, что ты ее увидишь. <...> Проблема в том, чтобы, имея глаза, не уметь видеть, не смотреть на происходящее. <...> Закрытые глаза. Глаза, которые больше не видят. В которых нет любопытства. Которые уже не ждут, что что-то произойдет. Потому, возможно, что они не верят в существование красоты. Но Она проходит по пустыне наших дорог, стирая конечный предел и наполняя наши глаза бесконечным желанием»¹⁹.

4. Непредвиденное

Красота проходит рядом, случается, не спрашивая нашего разрешения и бросая вызов любому скептицизму, любому нигилизму. И если человек внимателен, он может уловить ее. А что он уловил ее, видно по тому, как в нем вновь пробуждается желание. Итак, от нас требуется только одно: быть внимательными, чтобы заметить ее, когда она проходит рядом. «Не ценой своих усилий, – пишет Камю в своих „Записных книжках“, – становится человек великим. Величие, если Богу угодно, приходит, как ясный день»²⁰.

Вся наша жизнь зависит от того, заметим ли мы момент, в который красота проходит перед нашими глазами. А как понять, что мы заметили? Из того, что она вдруг распахивает мой взгляд и пробуждает мое желание.

¹⁸ А. Мачадо. *Сердце мое, ты уснуло?..* Пер. П. Грушко.

¹⁹ P. Barbaro. *Ah uno sguardo in Una domanda a cui non so rispondere* / A cura di F. Pierangeli // *30Giorni*. N. 11. 2000.

²⁰ А. Camus. *Carnets. 1951–1959*. III. Décembre, 1951. Folio, 2013.

Какая же красота необходима нам больше всего? Предпочтение, высшее предпочтение, которое все мы ждем в нашем опыте, ибо предпочтение есть метод любого пробуждения, любого освобождения, любого рождения человечности, «я».

Один из вас рассказывает: «Год назад мы приняли на работу молодую учительницу начальных классов. Она живет в том же замешательстве, в каком живут и многие другие люди ее возраста, в частности ей свойственна тревога из-за вечной неспособности соответствовать обстоятельствам. На днях она пришла ко мне и призналась, что с начала работы в школе чувствует себя еще хуже, чем раньше, поскольку у нее возникает множество вопросов и открывается множество ран. Значит, ответил я ей, для нее наступил лучший момент жизни, ведь вопросы и раны открываются перед тем, в чем уже в некоторой степени содержится надежда. Она не согласилась и сказала, что раны слишком мучительны и что раньше по крайней мере у нее была броня, а в школе от нее ничего не осталось. После чего она поделилась со мной своей историей и пережитыми невзгодами. Потом она короткое время провела в школе Ньюмена, в том числе и поработав два дня. Вернувшись, она сказала мне: „В школе Ньюмена со мной что-то случилось. Не знаю, что именно. Но окружающие это заметили и говорят мне об этом. Говорят, я стала более довольной и спокойной. Говорят знакомые и близкие. Я тоже вижу, что случилось что-то. Но что? Не говори, что это Бог, поскольку этого я принять не могу“. Я сказал ей не беспокоиться насчет Бога и быть до конца честной по отношению к собственному опыту. Она спросила: „Почему так случилось? Здесь столько неверующих людей, с которыми ничего не произошло. Может, все дело в моей нужде, в моей открытой ране?“».

Красоту, идущую по пустыне наших дорог, улавливает тот, кто действительно нуждается, у кого есть такая рана и такая чистота.

Как же просто признать красоту (то есть очевидность предпочтения, пробуждающего наше «я»), когда случается! Об этом говорится в стихотворении Педро Салинаса: «Когда ты выбрала меня / я выступил из великой всеобщей безличности, из ничто [когда появляется некое «ты», оно словно вытягивает нас из пустоты] <...> / ...когда ты сказала мне: „Ты“, – / мне, да мне, среди всех, / выше звезд / и глубже кораллов я оказался [ты возносишь меня к звездам]. / И моя радость / начала вращаться, / плененная твоим бытием, / в твоём сердцебиении. / Давая мне себя, ты давала мне обладание самим собой. / Я жил, живу. До каких пор? <...> / Потеряв тебя, я буду одним из многих»²¹, ибо это «ты» играет решающую роль в моем становлении собой.

Итак, друзья, главный вопрос в следующем: есть ли что-то, случилось ли в нашей жизни что-то отличное от всего остального, проходящего и не спо-

²¹ P. Salinas. *La voz a ti debida y Razón de amor*, 62. Madrid: Castalia, 1969. P. 114–115.

собного удержать нас? «Вот, – пишет Кьеркегор в своем „Дневнике“, – что важно в жизни: однажды увидеть что-то, ощутить нечто столь значительное, столь великолепное, по сравнению с чем любая другая вещь ничтожна, и о чем уже никогда не забудешь, даже если забудется все остальное»²².

И поэтому нужно смотреть на произошедшее с нами, чтобы проверить, не доказало ли что-то свою долговечность, способность сопротивляться опустошению, которое наступает с течением времени. Встретилось ли нам в жизни что-то (кто-то), подтвердившее свою неподвластность времени? Удалось ли чему-то стать в нашей жизни надежным причалом? Вот большой вопрос, и если мы не хотим стать свидетелями того, как все разваливается, каждый из нас должен задавать его себе, глядя на свой личный опыт.

Это «что-то», о котором мы говорим, Монтале называет «непредвиденным»: «Непредвиденное – вот единственная надежда». Однако многие полагают, что «говорить так – безрассудство»²³. Порой так думаем и мы.

И все же никто не помешает чему-то новому возникать перед нашими глазами, ведь «и в небе и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости»²⁴, если выражаться словами великого Шекспира. Что-то, «чего не могло быть, и вот оно здесь», – говорил в 1968 году отец Джуссани; что-то, чего «не могло быть, потому что мы никогда... [об этом] не думали [и даже не предсказывали], и вот... [оно] здесь»²⁵.

Раз мы приехали сюда, в Римини, значит, по крайней мере однажды, по крайней мере в один прекрасный момент с нами случилось нечто непредвиденное, захватившее нашу жизнь настолько, чтобы в конце концов привести нас к участию в этих упражнениях. Раз мы приехали сюда, значит, мы все еще открыты возможности встретить то «ты», которое позволило нам выступить из всеобщей безличности и сделало каждого из нас по-настоящему самим собой, единственным в своем роде. Многие из нас ждут повторения этой встречи.

По крайней мере однажды, по крайней мере в один прекрасный момент с нами случилось нечто, по чему мы испытываем ностальгию. Кто-то из вас пишет: «Я думаю о вопросе, который нам прислали. Замечательный вопрос! Ситуация в семье совершенно не меняется, даже напротив, для нее словно медленно роется еще более глубокая яма, в которой все пропадает. Отношения и структуры выглядят прочными, но, кажется, в конце концов и на них нельзя положиться. Нельзя, поскольку никто не может обещать, что не сде-

²² S. Kierkegaard. *Diario. I (1834–1849)*. Brescia: Morcelliana, 1962. P. 239.

²³ E. Montale. *Prima del viaggio. // Tutte le poesie*. Milano: Oscar Mondadori, 1990. P. 390.

²⁴ В. Шекспир. *Гамлет*. Акт I, сцена V. Пер. М. Лозинского. М.: Искусство, 1960. С. 40.

²⁵ Х. Каррон, Л. Джуссани. *Живет то, что живет в настоящем*. С. 7.

дает кому-то такого зла, за которое не будет прощения, а в ходе естественного развития вещей даже самая тесная дружба в конечном итоге ранит, или разочаровывает, или оставляет нас в одиночестве. И нет такой структуры, которую зло – наше или других людей – не могло бы развалить, согласно тому или иному идеалу революции или справедливости. И потом, опираться на собственные человеческие силы или на собственную доброту – в высшей степени смехотворно. Честное слово, иногда я смотрю на свою жизнь и вижу огромную могилу. В последнее время я целыми днями чувствую себя именно так. Не менее смехотворно, на мой взгляд, говорить себе: „Прекрасно, сейчас поеду на упражнения, и мне скажут, что выдерживает удары времени, а затем я вернусь домой, и все будет по-другому“. Почему же я еду? Думаю, ради единственной вещи, которую я вроде бы могу назвать постоянной: ради конечной нерушимой притягательности чего-то, что живет в Движении и от чего я не в состоянии оторваться. Я еду, чтобы искать то единственное, по чему я действительно испытываю ностальгию».

Поэтому, друзья, будем просить, чтобы каждого из нас, независимо от жизненной ситуации, еще раз достигли взгляд Господа и то предпочтение, которое позволило нам заново родиться, чтобы мы могли на опыте познать, насколько драгоценна наша жизнь и что мы не обречены наблюдать, как она скатывается в пустоту.

Итак, попросим, чтобы нас вновь охватило то высшее предпочтение, которого ожидает наше сердце: «Ты дорог в очах Моих»²⁶, – ты, не другой, не кто-то отличный от тебя, ты сейчас, такой, какой ты есть, а не когда изменишься. Сейчас! Ты не обречен на то, чтобы скатиться в ничто.

Инструментом, помогающим исполнить обязательство, о котором мы вас просим в эти дни, служит молчание. Давайте помогать друг другу серьезным отношением – прежде всего к соблюдению молчания. Отец Джуссани говорил: «Фактически мы проводим вместе один день или чуть дольше ради момента большей истинности нашей жизни. Мы принесли немало жертв, очень многие из вас пошли на огромные жертвы, чтобы приехать. Постараемся извлечь из этих дней максимальную выгоду, постараемся получить радость от момента близости к Господу, более совершенной, чем даже лучшие дни в году. Такое обязательство... мы должны взять на себя, чтобы обеспечить по-настоящему благой результат... Инструментом, помогающим исполнить это обязательство, служит молчание. <...> Молчание – это не пустота, ...это молитва, это сознание, что пребываешь перед Богом, ...это просьба». Поэтому и «книги [которые продаются снаружи] тоже можно покупать

²⁶ Ис. 43:4.

в молчании»²⁷. «Мы советуем сохранять молчание прежде всего в дороге; полное же молчание должно соблюдаться во время входа в зал, где памяти благоприятствуют музыка, которую мы услышим, и изображения, которые увидим. Так мы настроимся на то, чтобы смотреть, слушать, ощущать умом и сердцем все, что Бог тем или иным образом нам предложит», поскольку то, чем мы занимаемся вместе в эти полтора дня, – не что иное, как проявление великого жеста любви, каким Господь, замечаясь ты это или нет, подталкивает твою [и мою] жизнь в направлении судьбы, которой Он является»²⁸.

Итак, молчание нужно, чтобы хорошо смотреть на вещи (когда у человека язва желудка, он не решает проблему, просто игнорируя ее; язву он носит с собой повсюду, и ее игнорирование лишь делает жизнь тяжелой, невыносимой).

У нас есть возможность быть вместе, смотреть на все без страха, подобно мытарям, которые шли к Иисусу, потому что с Ним они были самими собой, им не нужно было держать какую-то планку, Он обнимал их такими, какими они были.

Молчание (позволим ему хотя бы раз в год пронизать нас насквозь!), молитва, пение, указания, которые мы дадим, – не формальности, а подсказки, помогающие всем нам переживать упражнения с той серьезностью, какой требует жизнь.

Мы можем жить потрясающе, друзья, но этого нужно хотеть.

²⁷ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. Milano: Bur, 2018. P. 211–213.

²⁸ L. Giussani. *Dare la vita per l'opera di un Altro*. Esercizi spirituali della Fraternità di Comunione e Liberazione. Rimini, 8–10 maggio 1992 // *CL-Litterae Communionis*. Giugno. 1992. P. 5.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Иер. 20:10–13; Пс. 17; Ин.10:31–42

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО

Если мы честны с самими собой, то должны признать, что нам порой случается собирать камни, чтобы бросать их в Иисуса: камни гордыни, горькой ностальгии, инстинктивности, клеветы. Каждый умеет четко распознавать такую возможность перед взглядом Иисуса, выращающим Его отношение с Отцом. Вот что нас возмущает: этот Человек – Сын, Он Сын Отца, нашей Судьбы.

Мы можем сопротивляться, используя наши доводы – «наши» доводы, или же переживать опыт тех, кто отправился искать Его. Многие шли к Нему, как мы сегодня вечером. И мы можем переживать тот же опыт, признавая великое дело, которое Отец совершает через Него, ощущая наше сердце как жажду счастья в любых обстоятельствах, в любых испытаниях, в любых разочарованиях, ощущать наше сердце как горячую жажду счастья, состоящего во встрече с Красотой, о которой мы только что услышали.

Если мы здесь, то затем, чтобы встретить и узнать этот взгляд, это лицо, человеческое лицо милосердия Отца, привлекающего нас к Себе и ожидающего нас.

Суббота, 13 апреля, утро

На входе и выходе:

Людвиг ван Бетховен. Струнный квартет ля минор, ор. 132

Итальянский квартет

«Spirto Gentil» n. 49, Decca

Ангел Господень

Утренняя

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8)

Ответом на вопрос о том, что выстоит под ударами времени, не могут быть наши чувства, наши настроения, наши мысли или наши аргументы, которые «уже больше никого не задевают»²⁹. Поэтому давайте смотреть нашему вопросу в лицо! Нам не страшно принимать всерьез самые вызывающие вопросы, какие только возникают в жизни: мы не желаем отворачиваться от них, довольствоваться дешевым утешением, мы хотим быть мужчинами и женщинами, способными смотреть на все.

Одна студентка на встрече ответственных задала мне очень искренний вопрос, который объясняет нам, в чем проблема: «Прошлые выходные мы провели вместе, чтобы приветствовать первокурсников. Для меня это были замечательные два дня, случившиеся в очень трудный момент. К их концу я заметила в себе изменение. Беда в том, что по возвращении домой хватило двадцати минут и какой-то мелочи, чтобы я вновь вернулась к нервному состоянию, словно изменившие меня прекрасные события тех двух дней не имели силы. И поэтому мой вопрос в следующем: что тогда произошло и что способно выстоять в повседневной жизни?»

Предельно обобщая, выражаясь просто и ясно, мы можем сказать, что часто наша ситуация такова: у нас есть некий опыт «А» (в данном случае – трудный жизненный момент), случается некий опыт «Б» (девушка проводит выходные с друзьями, что-то происходит и смещает ее с прежней позиции, меняет ее), но вскоре кажется, будто ничего не случилось, будто не случился

²⁹ Cf. H. U. von Balthasar. *La percezione della forma. Gloria. Una estetica teologica*. Vol. 1. Milano: Jaca Book, 1975. P. 11.

опыт «Б», мы возвращаемся к «А» и все начинаем с нуля. Такое ощущение, что произошедшее с нами испарилось, что оно не в состоянии длиться, преодолевать время, продолжать менять нас.

Возможно, та студентка немного по-детски пересказала то, о чем отец Джуссани говорил в лекции Дня начала года, но суть такая же: с нами приключается нечто радикально новое, неожиданное, непредвиденное, встреча, не знающая себе равных, красота, меняющая нас. Но потом нам кажется, что это событие ограничено одним моментом, подобно морской волне, которая, коснувшись берега, отступает, и все возвращается на круги своя, а мы впадаем в соблазн и сводим случившееся с нами к предыдущему опыту, к предшествующей мудрости³⁰.

Вот наша драма. Давайте с ней разбираться, как та девушка! Какие факторы сопровождают это кажущееся исчезновение, отступление вошедшей в нашу жизнь новизны? Почему мы живем такими подозрениями и в таком колебании?

1. Точка «невозврата»

Чтобы подступиться к вопросу о том, что выстоит под ударами времени, нужно прежде всего посмотреть на наш опыт.

Фраза Кьеркегора, которую мы процитировали вчера, дает нам критерий, позволяющий уловить ответ. «Вот что важно в жизни: однажды увидеть что-то, ощутить нечто столь значительное, столь великолепное, по сравнению с чем любая другая вещь ничтожна, и о чем уже никогда не забудешь, даже если забудется все остальное»³¹.

Случилось ли в нашей жизни то, о чем мы уже более не забывали, нечто по-настоящему значительное, великолепное, явившее свою способность бросать вызов времени, нашим душевным состояниям, обстоятельствам, сопровождать нас даже в самые драматичные моменты? То, о чем говорилось в одном из прочитанных вчера писем: «Так почему же я [опять] еду на упражнения? ...ради конечной нерушимой притягательности чего-то, что живет в Движении и от чего я не в состоянии оторваться. Я еду, чтобы искать единственное, по чему я действительно испытываю ностальгию».

Эта долговечность, эта стойкость, эта нерушимая притягательность, ради которой наш друг возвращается сюда, – «знак», позволяющий нам понять важность произошедшего с нами.

³⁰ Ср. Л. Джуссани, Х. Каррон. *Живет то, что живет в настоящем!* С. 6.

³¹ S. Kierkegaard. *Diario. I (1834–1849)*. Brescia: Morcelliana, 1962. P. 239.

«Вечное несчастье преследует того, кто проживает день за днем и не находит любовь, что длится всегда»³², – говорит Гуго Сен-Викторский.

А. Встреча

Первая примета ответа на наш вопрос, согласно критерию, предложенному Кьеркегором, состоит в нашем присутствии здесь. Если мы здесь, как друг, которого мы цитировали, так это потому, что мы столкнулись с людьми, благодаря которым пережили опыт уникального предпочтения, совершенно безвозмездного, с людьми, благодаря которым мы испытали полноту и трепет человечности, позволившие нам воспрянуть духом, сделавшие нас самими собой, избавившие нас от страха, наполнившие радостью и надеждой. Произошла встреча, и в ней мы по крайней мере преодолели нечто новое, иное, выявившее то, чем мы воистину являемся.

Вот какой опыт мы пережили. Любовь, которую Бог обратил ко мне посредством определенных лиц «творит из меня то, чем я являюсь доподлинно... <...> и тем самым делает исключительным и меня»³³, – говорил фон Бальтазар.

Это очевидно, и очевидность эта – единственная в своем роде. Если еще раз обратиться к словам Дня начала года, то нас достигло – каждого в обстоятельствах его жизни – присутствие, исполненное предложения, смысла для жизни и в то же время исполненное любви к нам, избрания, предпочтения»³⁴, присутствие, распахнувшее нас и захватившее, как ничто другое. Мы увидели иной тип отношений между людьми, более человечный способ обращения друг с другом, «сосуществование», «жизнь», которые несли в себе новизну, обещание, которые пробудили в нас любопытство. Мы были увлечены, подошли ближе и заинтересовались.

В начале всего лежала «встреча с объективным фактом... который существует в форме общины, поддающейся конкретному описанию, как и любая в полной мере человеческая реальность; общины, чьи критерии и форму определяет человеческий голос авторитета с его суждениями и указаниями. Нет ни одной разновидности христианского опыта, сколь бы внутренним он ни был,

³² Ugo di San Vittore. *De arra anime. L'inizio del dono*. Milano: Glossa, 2000. P. 13.

³³ H. U. von Baltasar, L. Giussani. *L'impegno del cristiano nel mondo*. Milano: Jaca Book, 2017. P. 38.

³⁴ «Они поверили не потому, что Христос говорил определенные вещи, они поверили не потому, что Христос совершал чудеса, они поверили не потому, что Христос цитировал пророков, они поверили не потому, что Христос воскрешал мертвых. <...> Они поверили из-за присутствия. Не из-за присутствия плоского и невыразительного, не из-за безликого присутствия: это было присутствие с очень конкретным лицом... <...> Присутствие же, полное предложения, есть, соответственно, присутствие, полное смысла» (Л. Джуссани, Х. Каррон. *Живет то, что живет в настоящем!* С. 5–6).

которая не предполагает хотя бы под конец встречу с общиной и соотнесенность с авторитетом»³⁵.

Речь может идти о встрече с живой христианской общиной или с человеком, свидетельствующим на наших глазах об ощутимой инаковости жизни³⁶. В любом случае с нами произошла встреча, которая привлекла нас и которую, как говорит Кьеркегор, мы не в состоянии забыть, не в состоянии устранишь (нам при всем желании уже не вырвать ее из себя).

«В силу характера, – пишет мне одна студентка, – я всегда любила отступления, игру на понижение, спокойствие моих четырех стен, учебы, в которой я спасалась бегством от мира. Можно ради собственного удобства сколько угодно думать, будто жизнь отвратительна, будто нет причин втягиваться во что-либо, но это возможно лишь до тех пор, пока тебе не посчастливится встретить тех, у кого полно причин, вкуса к жизни и смысла. [Вот в чем разница. Стоит лишь раз их увидеть, и все становится другим.] Для меня знакомство с Движением означало именно это: встречу с людьми, наделенными ослепительной человечностью, которая, если ты с ней сталкиваешься, уже не оставляет в покое, мучит тебя, она способна вернуть тебе беспокойство за твою изрядно потрепанную жизнь». Встреча, таким образом, внесла в ее жизнь любовь к самой себе, которая до этого ей не давалась. Однажды увидев такую инаковую человечность, она не может не тревожиться за свою жизнь. Но письмо продолжается: «Поэтому мне страшно, когда кто-то из этих моих друзей пишет мне и ищет меня, ведь я знаю, что всего один час с ними поставил бы под сомнение любую мою позицию, породил бы во мне уже так легко опознаваемое чувство, как когда смотришь на нечто грандиозное и прекрасное и ощущаешь, что оно могло бы быть и твоим». Поразительно! Мы сопротивляемся красоте, как часто говорил нам отец Джуссани³⁷. Мы боимся красоты того, что увидели. Девушка пишет дальше: «Конечно, мой страх никуда не делся. Впрочем, хотя многое и позабылось, я не забыла о том взгляде, которым на меня посмотрели, поскольку в нем уже содержалось все благо, которое мне было даровано в последующие годы и которое настойчиво вновь и вновь ищет меня, возрождает меня с верностью, превосходящей любую логику и представляющей собой единственную, последнюю преграду искушению пустить жизнь на самотек».

³⁵ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 134.

³⁶ Cf. L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 24–26.

³⁷ Cf. L. Giussani. *Affezione e dimora*. Milano: Bur, 2001. P. 66–67.

Встреча с феноменом инаковой человечности – вот с чего все началось. Подобно Иоанну и Андрею, мы оказались перед лицом исключительного присутствия, исполненного предложения и смысла для жизни³⁸.

Б. Значение встречи

Однако свершившегося факта недостаточно. Необходимо понять его значение. А иначе, как часто случается, мы возвращаемся к предыдущей мудрости, к нашему привычному взгляду на вещи, ко всеобщему менталитету. И тогда начинает проявляться проблема: когда мы возвращаемся к опыту «А», увидев «Б», и думаем, будто последний испарился, причина в том, что нам не удалось понять важность произошедшего с нами. Чтобы действительно усвоить некий опыт, необходимо осознать его значение.

Это применимо ко всему: «Опыт характеризуется пониманием вещи, открытием ее смысла. Таким образом, опыт предполагает разумение смысла вещей»³⁹. Мы никогда по-настоящему не утверждаем и не постигаем реальность, если не утверждаем ее смысл.

Одна из вас пишет: «В последние полгода произошли изменения, которые полностью перевернули мою жизнь и причинили мне огромную боль. Больше всего с толку сбивало то, что истоки этой боли находились в одной из самых прекрасных вещей, которые со мной случались. Парадокс, да и только. Мне не удавалось найти ответы на вопрос о смысле произошедшего, и потому в эти месяцы во мне созрело, постепенно и почти незаметно для меня, чувство тотального нигилизма, апатии и бессмысленности. Однажды моя близкая подруга пригласила меня на школку общины. Я ходила туда несколько месяцев без особых причин, но все-таки не бросала. И я осознала, что школа общины говорит абсолютную истину о моей жизни и кроме того указывает путь к тому, что, кажется, уготовано именно мне и способно сделать меня счастливой. У меня словно вдруг открылись глаза. Впервые я поняла, что держалась вещей, которые представлялись удобными, привлекательными и полными обещаний, но на самом деле закрыты в самих себе. Но я держалась их, обездвиженная менталитетом сегодняшнего мира, и не слишком задавалась вопросами. В последние же месяцы я, напротив, начала желать того, что способно устоять перед невзгодами жизни и не лишено смысла, захотела увидеть подлинные лица. К счастью, я встретила Движение. Осознав все это, я впервые ощутила себя наполненной и по-настоящему счастливой. И это дол-

³⁸ «Первая глава Евангелия от Иоанна свидетельствует о том, каким невероятно простым и глубоким способом христианство возникло в истории: произошло человеческое событие, встреча с исключительным присутствием» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. P. 11–12).

³⁹ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 131.

говечное счастье, не ограниченное вечером, в который я участвую в школе общины. Очевидно, что Кто-то лучше меня знает, чего жаждет мое сердце, и Он продумал все, чтобы я могла жить на высоте моих вопросов».

Следовательно, мы должны осознать произошедший с нами факт, его природу, ведь если мы не улавливаем его инаковость, причины его инаковости, то относимся к нему как к любым другим событиям, которые случаются в жизни, многое обещают, а потом разочаровывают, ибо заканчиваются, словно христианство – одна из множества религий в пантеоне всеобщего менталитета, одна из множества попыток, обреченных на провал.

Понимание важности пережитого вовсе не само собой разумеется. Это подтверждается тем, что произошедшее с нами событие не определяет наше самосознание и наши действия: наше сознание не возрастает, наше «я» не укрепляется, встреча не становится решающим фактором в наших отношениях с реальностью. И потому мы продолжаем исходить из «А», а не из «Б». Как когда ребенок решает математическую задачу случайно, не ухватив принцип: в следующий раз он не сможет взяться за новую задачу с большим сознанием и окажется в исходной точке. Задача, решенная случайно, неосознанно, без понимания принципа, никак ему не помогает. Так же и в жизни: с нами могут происходить головокружительные факты, но мы ничему не учимся. Поскольку если не ухватываешь смысл факта, пусть даже самого очевидного, и если этот факт не начинает определять наше сознание, то толку в нем никакого. Подумайте о девяти прокаженных, очищенных Иисусом: они упустили из виду главное. Или вспомните о книжниках перед слепорожденным, которого Он исцелил.

И как же все меняется, когда человек улавливает важность того, что вошло в его жизнь!

Приведу пример, чтобы помочь нам понять. Это эпизод из жизни Джуссани. Однажды в первый год классического лицея он слушал «Фаворитку» Доницетти, и с ним случилось что-то, что уже не оставляло его. Когда он рассказывал о произошедшем много лет спустя, видно было, насколько оно до сих пор на него влияет. «Замечательный тенор запел „*Spirto gentil, ne' sogni miei...*“; и со звучанием самой первой ноты я с изумлением почувствовал, что тот, кого мы называем „Богом“, неотвратимая Судьба, ради которой рождается человек – это выражение потребности в счастье, это то счастье, в котором сердце испытывает неукротимую потребность»⁴⁰. В тот момент, слушая те ноты и слова, Джуссани интуитивно различил что-то, что не исчезло на следующее утро, у него возникло столь четкое, столь самобытное, столь

⁴⁰ L. Giussani. *Quel che cerchi c'è // Spirto Gentil. Un invito all'ascolto della grande musica guidati da Luigi Giussani* / A cura di S. Chierici e S. Giampaolo. Milano: Bur, 2011. P. 11.

очевидное ощущение этого «чего-то», что с тех пор его жизнь уже не могла не определяться тем мгновением и тем открытием.

Бывают мгновения, встречи, факты, отличные от всех остальных, факты и моменты жизни, обладающие несравненным потенциалом: не из-за сопутствующей им шумихи, а благодаря силе, с которой они пробуждают все в нашем «я», благодаря тому главному, что они вносят в нашу жизнь. Джуссани описывает это увлекательным и полным реализма образом: «Привести нас сюда могло кратчайшее, невесомое предчувствие обещания относительно жизни, не сопровождавшееся ясностью самосознания, критической ясностью. Есть в вашей жизни день, в который произошла встреча, заключающая в себе все значимое, все ценное, все желанное, все справедливое, все прекрасное и все достойное любви»⁴¹.

Эти уникальные моменты позволяют нам открыть то, что долговечно, то, в чем есть характерные нотки истины. Говоря о встрече, отец Джуссани замечает: «Порой она подобна „молнии в тумане“, но даже такое скоротечное явление вселяет в нас уверенность в обретении – выскажем это игрой слов – чего-то, в чем что-то есть»⁴².

Чтобы увидеть это «что-то» в том, с чем мы сталкиваемся (в человеке, в общине, в «объективном факте»), от нас не требуется какой-то выдающийся ум, как порой кажется. Нужно лишь следовать за усилением «познавательной способности разума», которое сам факт и производит, порождает, сообразуя «проницательность человеческого взгляда с исключительной реальностью, его вызывающей»⁴³. Мы поймем это, если проведем параллель с примерами из нашего опыта: встречи с определенными людьми распахивают наш взгляд, позволяя видеть четче, глубже видеть вещи как они есть.

Но что собой представляет, в чем состоит такое «следование»? Оно совпадает с чистотой сердца.

Подумаем о Безыменном, как его описывает Мандзони. Вся жизнь его была подчинена определенным целям, он сделал свой выбор, занял свою позицию по отношению к христианству, он множество раз видел людей, идущих в церковь, и это ничуть его не трогало. Но в особенный момент его жизни, в который острые терзания начали давать о себе знать, он услышал из покоев в своем замке народ, в ликовании направлявшийся навстречу кардиналу Федерико Борромео, и что-то в нем сдвинулось, он позволил их радости увлечь его и присоединился к ним. Когда же он оказался перед кардиналом, когда тот взглянул на него, заключил в свои объятия, сердце Безыменного уступило:

⁴¹ L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. Milano: Bur, 2009. P. 426

⁴² L. Giussani. *Il cammino al vero è un'esperienza*. Milano: Rizzoli, 2006. P. 142.

⁴³ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 134.

он «последовал» за силой его взгляда, за теплом его неожиданной нежности. «Высвобождаюсь из объятий, – пишет Мандзони, – Безыменный снова закрыл глаза рукой и, подняв вместе с тем лицо, воскликнул: „Боже истинно великий! Боже истинно милосердный! Теперь я узнаю себя, понимаю, кто я“»⁴⁴. Взгляд кардинала, подобный взгляду Иисуса на Закхея, освободил его от самонадеянности и вернул подлинное осознание себя, открыв в нем нищету духа. И когда в конце их разговора кардинал обращается к Безыменному: «Не подумайте, что с меня довольно на сегодня этого вашего посещения», – и спрашивает: «Вы вернетесь, не правда ли?» – тот в изумлении отвечает: «Вернусь ли я?» – и тут в нем словно вспыхивает все его новое самосознание: «Да если бы вы прогнали меня, я, как нищий, упорно стоял бы у ваших дверей. Я должен говорить с вами, слышать, видеть вас! Вы мне необходимы!»⁴⁵ Это желание вернуться и вновь встретиться с кардиналом говорит о том, что произошло.

Спросим себя: кто наш кардинал, кто для каждого из нас тот кардинал, который делает нас по-настоящему самими собой, который распахивает нас, без которого мы не можем жить? Ведь Иисус не отвлеченное понятие, не просто имя, Иисус жив и присутствует в настоящем, Он достигает нас сейчас посредством ненадежной плоти, посредством реального, конкретного объятия или взгляда. «Живет то, что живет в настоящем!» – провозгласили мы на Дне начала года. Лишь присутствие способно сделать нас нищими. Мы не нуждаемся в организации или в плане действий, нам нужен тот, кто вернет нам самих себя. Перед нами должен предстать тот, кто сделает нас нищими, кто позволит нам увидеть вещи, которые находятся прямо у нас под носом и которых мы не видим.

Необходимо отдать себе отчет в существенной связи между познанием и нищетой. «Тогда становится понятно, почему отцы Церкви видели основополагающий метод религиозного познания как такового в словах из Нагорной проповеди: „Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят“ (Мф. 5:8). Вопрос в том, чтобы „видеть“. Возможность „видеть“ Бога, то есть в принципе постигать Его, зависит, – утверждает Ратцингер, – от очищения сердца, под которым подразумевается всеохватный процесс, в рамках которого человек становится прозрачным и не остается замкнутым в себе, а учится безвозмездному дару себя, превращаясь таким образом в видящего»⁴⁶.

⁴⁴ А. Мандзони. *Обрученные*. Гл. XXIII.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ J. Ratzinger. *Elementi di teologia fondamentale. Saggi sulla fede e sul ministero*. Brescia: Morcelliana, 2005. P. 90. «Прирастание к Богу есть не что иное, как видение Бога, и редкое счастье сие даруется лишь тем, кто чист сердцем. Чистым сердцем обладал Давид, говоривший Богу: „К Тебе прилепилась душа моя“, – и еще: „Я близок к Богу, и мне хорошо“ (S. Bernardo. *Sermone sul Cantico dei Cantici*. Roma: Città Nuova, 2006. P. 95–97).

О том же говорил и свидетельствовал перед лицом всей Церкви отец Джуссани, выступая в 1998 году на площади Святого Петра: «Простота сердца – вот что позволило мне ощутить и признать исключительность Христа с уверенной непосредственностью, как бывает благодаря неоспоримой и нерушимой очевидности событий и мгновений реальности, которые, возникая на нашем личном горизонте, поражают до самого сердца»⁴⁷.

Человеку, позволяющему неповторимой реальности, что находится перед ним, распахнуть его, именно простота сердца дает увидеть неоспоримо очевидное. «Все существование христианина, можно сказать, имеет как раз такую цель: стать простым»⁴⁸. Только позволяя событию встречи полностью распахнуть нас, мы в состоянии должным образом уловить его значение⁴⁹.

В. Осознание соответствия

Почему же мы так прилепились ко встрече, которая, в конечном итоге, привела нас сегодня сюда? Почему уже больше не забыли о ней? Потому что пережили опыт несравненного соответствия глубочайшим потребностям нашего сердца, ставший возможным благодаря присутствию, которое мы встретили.

Так было для Иоанна и Андрея с Иисусом: они оказались перед исключительным присутствием, наконец-то отвечавшим их сердцу. Он воплощал непредставимое, невообразимое, прежде неведомое соответствие сердцу. И по этой причине легко было признать Его непревзойденную, ни с чем не сравнимую, «божественную»⁵⁰ ценность. «Тот, кто сталкивался с Ним, уже никогда не уходил от Него, и это знак пережитого на опыте соответствия. Встреча есть столкновение с подобным исключительным присутствием»⁵¹. Исключительным, то есть божественным. Для нас две тысячи лет спустя все обстоит точно так же: божественное пользуется преходящими лицами – «чем-то, в чем что-то есть». Это что-то, достигающее нас посредством преходящего, длится, остается, поскольку является божественным. И потому, если мы не понимаем природу встреченного нами, то путаем его со всем остальным. Вот почему мы должны с вниманием отнестись к этому вопросу.

⁴⁷ Л. Джуссани. Свидетельство во время встречи Святейшего Отца Иоанна Павла II с церковными движениями и новыми общинами. См.: L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. P. IV.

⁴⁸ I. Silone. *L'avventura d'un povero cristiano*. Milano: Arnoldo Mondadori Editore 1968. P. 126.

⁴⁹ «Бог почитает Свое творение за разумное, предрасполагая его принять дар Себя, который Он дает ему. Такая способность к принятию, также дарованная, есть сама суть разума» (F. Varillon. *L'humilité de Dieu // Vivre le christianisme. L'humilité de Dieu. La souffrance de Dieu*. Paris: Bayard, 2002. P. 45).

⁵⁰ Cf. L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. P. 10.

⁵¹ *Ibidem*. P. 26.

Необходимо осознать содержание и истоки инаковости, с которой мы столкнулись и которая привела нас сюда. Возможно, в другие моменты мы обходились и так, не добираясь до сути, не ощущая потребность распознать природу той неоспоримой очевидности, что вошла в нашу жизнь. Однако в сегодняшнем хаосе, когда все ставится под сомнение, нам не удастся долго оставаться христианами, если мы не признаем очевидность в ее непреходящем значении. Уже в шестьдесят восьмом отец Джуссани говорил: «Сейчас [христианство]... более нельзя принимать пассивно, времена нам этого не позволяют»⁵².

Я рад жить именно в настоящий исторический момент со всеми его трудностями. Говорю так для самого себя, потому что не желаю от этих трудностей отгораживаться. Мне недостаточно жить иллюзиями, словно в стерильном пузыре, думать, будто все хорошо, мне недостаточно закрыться в комфортной зоне и из года в год приезжать сюда с друзьями, чтобы ненадолго остаться в покое. Все это бесполезно для жизни.

К счастью для нас, вокруг царят замешательство, скептицизм, нигилизм, заставляющие думать, что нет ничего долговечного! Именно так, поскольку благодаря им мы изнутри нашего опыта, как, пожалуй, никто другой за всю предыдущую историю, можем понять инаковость христианства. Представьте: человек видит, что никакие отношения не выдерживают, и вдруг оказывается перед отношением, которое, напротив, держится, перед кем-то, кто по-настоящему его любит. Тогда он думает: «Вот это от всего отличается!» В такой момент очень легко признать инаковость. Мы же не отдаем себе отчет в существовании этого «чего-то», обладающего несравненными чертами истины, и потому возвращаемся в пункт А, увидев Б. Причина не в нашей слабости, а в недостатке признания. Наша слабость тут вообще ни при чем. Проблема, о которой я говорю, связана не с нравственной последовательностью, это проблема разума, простоты сердца. «Вещи должны проясниться в тебе самом», – писала Этти Хиллесум в своем «Дневнике».

2. Признание как вызов

Через конкретные, определенные встречи нас сегодня достигает то же событие, что имело место и две тысячи лет назад. И не только. Мы вовлечены в тот же опыт, призваны совершить тот же путь, жить тем же признанием. В рассказе «Студент» Чехов волнующим образом описывает связь между изначальным событием и событием настоящим, между опытом Петра и первых учеников и нашим опытом.

Как-то холодным и темным вечером, возвращаясь домой с охоты, Иван, молодой студент, подошел погреться к костру, разложенному двумя вдова-

⁵² Л. Джуссани, Х. Каррон. *Живет то, что живет в настоящем!* С. 8.

ми, матерью и дочерью. Он начал рассказывать им о Страстях Иисуса, о Тайной вечере, о смертельной тоске Иисуса в Гефсиманском саду, о предательстве Иуды, об отречении Петра, о пении петуха и том, как Петр «очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал». Вдруг он заметил, что, услышав про Петра, одна из двух женщин, мать Василисы, «вдруг всхлипнула», а дочь словно сдерживала сильную боль. Чехов пишет: «Студент пожелал вдовам спокойной ночи и пошел дальше. <...> ...[он] думал о Василисе: если она заплакала, то, значит, все, происходившее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение... <...> ...если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра. И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой. А когда он переправлялся на пароме через реку... то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, – ему было только двадцать два года, – и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла»⁵³.

Удивительна связь, подмеченная Чеховым: «Если старуха заплакала, то... потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра»⁵⁴.

Мы здесь в силу того же самого опыта, который переживали люди, первыми встретившие Иисуса. И перед нами стоит тот же самый вызов, что и перед ними: признать природу произошедшей с нами встречи, охватившего нас присутствия. От этого вызова не были избавлены и те, кто первым встретил его, даже наоборот. Их путь и сегодня указывает нам, по какой дороге идти. Так давайте вернемся к моменту, в который вызов стал столь острым, что они вынуждены были признать инаковость того, перед чем находились.

⁵³ А. П. Чехов. *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Т. 8. М.: Наука, 1977. С. 308–309.

⁵⁴ Там же.

Однажды (в тот же день, когда Он совершил умножение хлебов и рыб и толпа хотела сделать Его царем) Иисус перед всеми сказал возмутительные вещи, которые даже ученики оказались не в состоянии понять: «Воцарилось полное молчание. Сам Иисус нарушает его: „Не хотите ли и вы отойти?“ И у Петра с его горячностью вырываются слова, которые вбирают в себя весь опыт их уверенности: „Господи, пусть мы не понимаем Твоих слов, но если мы отойдем от Тебя, то куда нам идти? Только Ты имеешь слова, объясняющие и открывающие смысл жизни“. <...> ...эта позиция является глубоко разумной, – говорит отец Джуссани и продолжает: – Основываясь на совместной жизни, на том, как исключительны были личность и поведение Иисуса, эта маленькая группа не могла не доверять Его словам. Иначе им пришлось бы отрицать очевидность [как и нам пришлось бы отрицать очевидность] более убедительную, чем даже та, что они видят: „Если я не могу верить этому Человеку, то я не могу верить ничему“. Постоянное повторение этого впечатления исключительности, складывающегося благодаря совместному пребыванию, определяло убеждение в том, что довериться Иисусу в высшей степени разумно»⁵⁵. Суждение это подобно суждению человека, который после многих лет жизни с матерью (если их отношения были нормальными) говорит: «Что бы ни случилось, зол ли я или печален, меняется ли мое настроение или рушится мир вокруг, я не в состоянии отрицать: моя мать меня любит». Совместная жизнь влечет за собой суждение, способное противостоять любому настроению.

«Суждение требует рассматривать опыт с учетом времени, которое он „длится“»⁵⁶. Время необходимо нам для достижения уверенности. В этом и заключается жизненная драма. Иисус относится к нам как ко взрослым людям: «Не хотите ли и вы отойти?» Мы же часто хотели бы, чтобы Он избавил нас от трудностей и решил все за нас.

«Поэтому Иисус, в ответ на вопрос друзей и недругов „Кто же Ты?“ [что это такое, что есть в Тебе и чему нам не удастся дать определение?] ждал, когда время убедит учеников в их привязанности к Нему [то есть когда возрастет уверенность в причине, по которой они привязались к Нему], а врагов укоренит в их враждебности. Иными словами Иисус раскрыл Свою тайну, когда люди полностью утвердились в признании или непризнании Его»⁵⁷.

Иисус не хочет злоупотреблять Своим положением или навязываться: Он ожидает, когда наша свобода уступит и сознательно прилепится к Нему. Ему

⁵⁵ Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М.: Христианская Россия, 2011. С. 75.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 76.

хорошо известно: без участия нашей свободы признание Его присутствия никогда не станет по-настоящему нашим, а значит, от того, что с нами происходит, ничего не останется. И потому Он не спешит, не хочет торопить время и оставляет место нашей свободе, ожидая, чтобы признание укрепились в нас.

Разум есть утверждение реальности в совокупности всех ее факторов, и потому мы не можем уклониться от вопроса об истоках инаковости, вышедшей нам навстречу. Если плоды, которые мы видим (человечность и насыщенность жизни) настолько выбиваются из всего, что нас окружает, то мы оказываемся перед следующей альтернативой: либо эти плоды можно исчерпывающе объяснить особыми способностями тех, кто свидетельствует о них, либо – раз речь о людях вроде нас, таких же слабых, так же ошибающихся, – они выявляют, открывают нечто помимо их способностей, нечто иное, действующее в них («дерево познается по плоду»⁵⁸).

Мой разум не может высказать, определить, что такое это «иное», но – говорит отец Джуссани – «я не могу не допустить, что оно есть. <...>...есть определенный фактор, есть фактор, обуславливающий эту компанию, определенные проявления этой компании, определенные отзвуки в этой компании, компании настолько удивительной, что если я не утверждаю нечто иное, то не могу дать разумных оснований опыту [который переживаю]; ведь разум – это утверждение испытываемой реальности во всех – во всех! – составляющих ее факторах»⁵⁹.

Меня поразил социолог и профессор из Страны Басков Микел Азурменди, наш друг, который познакомился с нами два года назад. В изумлении от увиденного, будучи честным в отношении того, что произвело на него столь сильное впечатление, он провел два года, посещая наши испанские общины, каникулы, каритативу, школы. Ему хотелось понять, и он словно вернул нам то, чего мы сами зачастую уже не видели. Приехав на фестиваль *Encuentro Madrid*, проведя там всего десять минут, посмотрев на людей, общавшихся друг с другом иначе, чем остальные, иначе пребывавших вместе, уловив «отзвуки этой компании, он заявил: «Здесь что-то происходит. Только божественное может стоять у истоков всего этого». Ему уже не удастся, глядя на все это, не признавать, что в таком общении, в таких отношениях, в таком взгляде, в таком интересе друг к другу и ко всему есть нечто иное, и так он доходит до следующего утверждения, опирающегося на то, о чем ему говорили давным-давно (в юности он учился в семинарии): «Это Он. Лишь божественное может быть истоком всего этого».

⁵⁸ См. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 233–260.

⁵⁹ Л. Джуссани. *Можно ли жить так*. М.: Христианская Россия, 2007. С. 238.

Человеческое изменение, с которым Микел, как и каждый из нас, столкнулся, есть величайшее чудо, о чем мы читали на школе общины. «Чудо можно определить как событие, то есть как опытно переживаемый факт, посредством которого Бог вынуждает человека обратить внимание на Него, на ценности, к которым Он желает его приобщить, посредством которого Бог призывает человека, дабы тот заметил Его реальность. Другими словами, Он таким образом ощутимо являет нам Свое присутствие»⁶⁰. Речь не о плоде нашего воображения, исчезающем мгновение спустя.

Именно перед лицом чуда – чуда инаковой, более совершенной человечности – обнаруживается наша позиция и завязывается борьба между распаханностью и замкнутостью, прозрачностью и непроницаемостью. В этой борьбе, от которой Тайна нас не избавляет, проясняется решающая роль свободы для пути познания, для открытия реальности и ее смысла («... если достижение судьбы, самореализации должно быть свободным, нужно, чтобы свобода принимала участие и в ее открытии. <...> Таким образом, свобода связана не только с путем к Богу, выражающимся в последовательности жизни, но уже с самим открытием Бога»)⁶¹. Вот почему в описанной борьбе «критический подход», как мы часто его называем, есть всего-навсего предвзятая позиция («то, что решено в глубине души изначально»⁶², говорит Джуссани), «черствость», не позволяющая нам видеть. Награда же для тех, кто честно вступает в эту борьбу, – признание присутствия Христа, близость к Нему.

Итак, друзья, суть в том, чтобы не останавливаться на пороге этого признания, но доходить до признания «конечного истока» увиденного, того, с чем мы столкнулись и что объединяет нас.

«Мы рискуем жить столь великой благодатью, как этот дом [эта компания], допуская последний шаг («Ах, да, да»), соглашаясь с последним шагом, признавая последний шаг и то, что он для Христа, но не проживая его... Вы можете жить в вашей компании, будучи друг с другом любезными, внимательными, наслаждаясь возможностью жить в такой среде... вы можете переживать все положительное, что есть в этой компании, и тем не менее останавливаться, останавливаться на пороге признания адекватной причины, истинного фактора, благодаря которому вы вместе в первую очередь... Вы можете переживать все, не имея ясности относительно глубинного истока. Как будто вы доходите до порога: „Ну да, Христос есть, это ради Христа“. [Но] когда вы говорите: „Мы вместе, потому что есть Хри-

⁶⁰ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 244.

⁶¹ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 141.

⁶² Там же. С. 142.

стос⁶³, – сколько в вас экзистенциальной взволнованности, признательности, благодарности?»⁶³.

Христос столь сильно любит нашу свободу, что позволяет нам даже уйти от Него, ожидая, когда мы свободно откроем для себя Его инаковость. Фон Бальтазар так описывает поведение Бога с нами: «Там, где человек решается на то, чтобы отречься от самого себя, отказаться от своей узости... там растет Мое Царство. Но по собственной своей воле люди неспособны на это и предпочитают все что угодно, только не Мою благодать. И потому Я должен сопровождать их на долгом, ддящемся всю жизнь пути, пока они не осознают истину»⁶⁴.

«Бог терпеливо ожидает, пока я наконец не захочу согласиться любить Его. Бог ожидает, как попрошайка, который стоит, неподвижный и молчаливый, перед тем, кто, быть может, подаст ему кусок хлеба. Время есть это ожидание. Время есть ожидание Бога, выпрашивающего нашу любовь. Звезды, горы, море, всё говорящее о времени, гласит нам о мольбе Бога. Смирненное ожидание делает нас подобными Богу»⁶⁵, – пишет Симона Вейль.

Подумаем о том моменте, когда Ангел отошел от Богородицы: Господь словно удалился со сцены, чтобы оставить пространство ее свободе.

Подумаем и о блудном сыне из евангельской притчи. Его отец не был к нему безразличен. Напротив, именно потому, что он любил его и прекрасно знал существо, которому он дал жизнь, ему также было ясно: сын сможет открыть всю радость сыновства только через свободу.

Размышляя над притчей о блудном сыне, немецкий католический философ Фердинанд Ульрих писал: «Отец не держит собственного сына на привязи... Он оставил другого свободным, ибо он другой по отношению к нему, и наделил его ответственностью за будущий риск, связанный с исполненным любви становлением самим собой, исходящим из бездны собственной свободы»⁶⁶.

Как выражает отец свою любовь к сыновней свободе? «Он просто-напросто позволяет сыну уйти». Отец отпускает сына, проявляя уважение к его свободе, поскольку опирается на уверенность в том, что сын, отдаляясь от отца, тем не менее несет в себе свое сыновство. Ульрих продолжает: «Тем самым отец как бы отступает в полный покой самого себя, и поступает так не против сына, а ради него. Его отцовское сокрытие себя, его молчание есть

⁶³ L. Giussani. *Affezione e dimora*. P. 361–362. «Мы проходим сквозь чудеса как слепые, не видя, что малейшее цветочное семечко состоит из тысяч галактик» (С. Bobin. *La grande vie*. Paris: NRF Gallimard, 2014. P. 43.

⁶⁴ X. У. фон Бальтазар. *Сердце мира*. М.: Ин-т св. Фомы, 2006. С. 126.

⁶⁵ S. Weil. *La connaissance surnaturelle*. Paris: Gallimard, 1950. P. 91.

⁶⁶ F. Ulrich. *Gabe und Vergebung. Ein Beitrag zur biblischen Ontologie*. Freiburg: Johannes, 2006. P. 452.

милосердие, с которым он сопровождает его. Тот сын, описанный в притче, есть воплощенное милосердие Отца: в далеких краях, без отца. Мы понимаем притчу, только если слушаем *Его* в духе сострадания и прощения! Отец остается, „почивает“ в своем имени и отпускает сына. Оставаясь, *казалось бы* бездействуя, он выражает себя как свободу, „одно лишь существование“ которой есть свидетельство и присутствие»⁶⁷.

Именно в этом пространстве свободы, которое отец оставляет ему, блудный сын признает инаковость отца, звучание истины, заставляющее его вернуться домой. «Духовное отцовство, – замечает Генри Нувен, – предполагает ужасающую пустоту. У меня нет власти, нет успеха, нет популярности, мне нелегко получить удовлетворение от выполнения своей миссии. Но в этой пустоте можно обнаружить настоящую свободу. В этой пустоте мне „нечего терять“, мою любовь ничто не сдерживает, я обретаю подлинную духовную силу»⁶⁸.

Таким отношением отец являет свою подлинную отцовскую природу. Обретение истины осуществляется исключительно через свободу, – утверждал Второй Ватиканский собор⁶⁹. Христос уважает, любит и поддерживает нашу свободу, бросая ей вызов.

Необходимо осознать важность того, что вошло в наше существование, а иначе мы будем обречены жить и бояться, как бы все ни обратилось в прах. Если Христос не достигает глубин нашего «я» благодаря очевидности, которую уловил каждый из нас (раз мы здесь), мы, как и все, будем жить в страхе, поскольку, если Христос не присутствует сейчас (сейчас!) я не могу любить себя сейчас и не могу любить тебя сейчас. Если Христос не воскрес, мне конец, даже если я знаю все Его слова, даже если я знаю все Его Евангелия. С евангельскими текстами на руках я в крайнем случае мог бы совершить и самоубийство [Джуссани осмеливается говорить даже такое!], а имея перед собой присутствие Христа – нет [ведь это не просто событие прошлого], перед распознанным присутствием Христа – нет!»⁷⁰

Почему стоит быть здесь в эти дни? Что мы получаем? Сознание о некоем событии, которое случилось в нашей жизни и в состоянии победить тревогу и опасения, как бы все не пошло прахом. Мы не победим их, думая: «Попробую-ка я приложить больше усилий». Они побеждаются лишь осознанием случившегося с нами, чем-то, что не произвел ты, что не произвел я: «Любо-

⁶⁷ *Ibidem*. P. 452, 457–458. «Ты отпускал меня, когда я того хотел и когда не хотел, и все-таки не отдал меня от Тебя» (Гильом из Сен-Тьерри; Guglielmo di Saint-Thierry. *Pregliere meditate. Opere*/3. Roma: Città Nuova, 1998. P. 214).

⁶⁸ Г. Нувен. *Возвращение блудного сына*. М.: ББИ, 2002. С. 160.

⁶⁹ См. Декларация о религиозной свободе *Dignitatis Humanae*, I, 2.

⁷⁰ L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. Milano: Bur, 2007. P. 158.

вью вечною Я возлюбил тебя, сжалившись над твоим ничтожеством»⁷¹. Лишь Его присутствие наделяет содержанием наше «я».

3. Необходимость проверки

«Тот, кто попадает сюда интуитивно или в силу расплывчатого предчувствия некой ценности, но потом никем не побуждается или сам не занимается проверкой, рано или поздно уходит»⁷². Это предупреждение, с которым отец Джуссани обратился когда-то к студентам, верно для всех нас без исключения. «Если Христос действительно есть ответ на всю жизнь, это так или иначе должно быть „видно“. <...> Вот почему я говорил ребятам: „Мы должны всматриваться во все наши жизненные занятия, чтобы разглядеть и испытать, понять и пережить то, как отвечает присутствие Христа на неотложные потребности нашего человеческого опыта, которые и выражаются в этих занятиях“»⁷³.

Во время презентации в Амвросианской библиотеке сборника материалов конференции, посвященной Джуссани, профессор епархиальной семинарии Венегоно отец Франко Манци заметил: «Итак, мы могли бы сказать, что отец Джуссани, идя вслед за Христом по „Божьему пути“ (как Деяния апостолов определяют христианство), он, с одной стороны, проверял, действительно ли опыт Петра, Андрея и других апостолов является подлинно очеловечивающим и для него, а с другой, призывал молодых людей, встреченных в поезде или же за партами в школе Берше, проходить этот путь вместе с ним. Но вот именно: отец Джуссани обнаружил критерий подлинности этого их „движения“ за Христом в опыте веры, засвидетельствованном в Евангелиях и во всей Библии. Так он пришел к выводу, что, если его опыт и опыт его попутчиков был столь же очеловечивающим, как и опыт Петра, Андрея и других апостолов, значит, Христос воскресший продолжает действенным образом присутствовать в истории, чтобы спасти человечество и в нашу эпоху»⁷⁴.

Церковь не хочет, чтобы, присоединяясь к ней, люди отказывались от критического подхода. Я должен проверить, правда ли, что событие, вошедшее в мою жизнь, позволяет мне бросать вызов любому мраку, любому сомнению, любому страху, любой неуверенности. Работая на школе общины, мы должны были усвоить: Церковь с нами не шутит и не лукавит⁷⁵.

⁷¹ Ср. *Иер.* 31:3.

⁷² L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose (1979–1981)*. Milano: BUR, 2007. P. 158.

⁷³ L. Giussani. *Un avvenimento di vita, cioè una storia*. Roma, 1993. P. 341–343.

⁷⁴ F. Manzi. Punto di vista di un biblista sugli Atti del Convegno della FTL: «Giussani: Il pensiero sorgivo» // *Rivista Teologica di Lugano*. Anno XXIV. 1. 2019. P. 200.

⁷⁵ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 227–228.

Вот в чем состоит вызов. Понимаете теперь, почему недостаточно ассоциации, «овчарни», недостаточно искать уютные места, где мы думаем, будто живем по-христиански. Этим нам не обойтись. И тот, кто предлагает вам это, вас не любит. Иисус не закрывал учеников в «овчарне», Он передал им метод, с помощью которого они могли бросать вызов миру, проверяя Его обещание: «Если останешься в отношении со мной, заметишь, что живешь ни с чем не сравнимым образом»⁷⁶.

«Что выстоит под ударами времени? – пишет мне еще один человек. – Как мне часто казалось, этот вопрос – следствие моей скрытой депрессии, моего безудержного цинизма или нехватки веры. В последнее же время я заметила, что все не так. Нет, это не результат депрессии, поскольку со временем вопрос преобразился и стал неотъемлемой частью повседневных отношений и диалога с Ним. Часто я спрашиваю: „Как Ты, о Христе, выдержишь удары времени, как Ты выдержишь в моем браке, с моими друзьями, в отношении с взрослеющими детьми, в вызовах повседневной жизни, в стесняющих меня страхах, в вещах, которые раньше мне так нравились, а теперь оставляют почти равнодушной? Как? Позволяя мне всегда находить „другие, неожиданные вещи“ (это неизменная характерная черта Его события), каких я себе и не представляла, вещи, возрождающие меня. На протяжении долгого периода жизни Христос был для меня таким изваянием, к которому я прибегала в неотложных ситуациях, тогда как в остальном спокойно справлялась и сама. Но сейчас, хотя и не произошло особых потрясений, у меня появилось ясное сознание, что фраза „Без Меня не можете делать ничего“ вовсе не преувеличение. Так или иначе, услышав на Дне начала года призыв отца Джуссани к упорству в пути, мы с мужем решили на этот путь вернуться и после многих колебаний стали участвовать в каритативе. Это был один из прекраснейших моментов нашей супружеской жизни, поскольку в совместно принятом решении возобновить путь между нами двоими опять появился Он. Таинственным образом, приняв воспитательное предложение нашей компании, которое, на первый взгляд, не имело к нашему браку никакого отношения, мы оказались вместе, в единении на пути, как уже давно не случалось. Какой неожиданный подарок! Каритатива стала в моей жизни таким цунами, обнажившим, внешне обнаружившим мою ограниченную позицию перед лицом реальности».

⁷⁶ «Церковь вслед за Иисусом повторяет, что ее можно признать заслуживающей доверия в силу ее соответствия исходным человеческим потребностям в их наиболее подлинном виде. Именно это Иисус имел в виду под... выражением „во сто крат“ на этой земле [а не в иной жизни]. Церковь, стало быть, словно говорит [тебе]: „Со мной ты обретишь опыт полноты жизни, какой нигде не найдешь“. Давая такое обещание, Церковь идет по тонкому льду и испытывает саму себя, предлагая себя всем людям как продолжение Христа» (Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 227–228).

Такая бьющая через край жизнь позволит нам проверить истинность вести, доносимой до нас Церковью, что она является продолжением Христа в истории. Именно в опыте полноты, невозможном более нигде, «проверяется» то, как Церковь определяет себя: «Я есмь Тело Христово, лик Его присутствия здесь и сейчас». Чтобы достичь такой уверенности, человек должен согласиться жить там, где до него доходит жизнь Церкви, ведь Церковь «есть жизнь и должна предлагать жизнь». Именно поэтому вы решаете приехать сюда на выходные: чтобы погрузиться в эту жизнь. И правда, продолжает отец Джуссани, человек не может приступать к столь важной проверке, если не вовлекает в нее всю свою жизнь». Вот почему, «раз Церковь не может лукавить, то и человек [каждый из нас] лукавить не может»⁷⁷.

В этой проверке время играет решающую роль, именно благодаря ему перед нашими глазами выявляется инаковость христианства, то, что способно выстоять под ударами времени, вызовов, разочарований. Не бойтесь: нужно просто быть честными в отношении потребностей сердца. Они настолько не поддаются нашим редуциям и манипулированию, что способны вывести на чистую воду любых сотворенных нами идолов! Чтобы различить истинное, не требуется ничего другого: только время и сопоставление с сердцем, поскольку лишь истинное длится во времени. У истины есть черты, которые ни с чем не спутаешь (все мы это знаем), и она длится во времени. И почему длится? Потому что, как мы сказали в самом начале, она соответствует потребностям сердца. Никакие обещания идолов не длятся, ибо не соответствуют сердцу: «есть у них уста, но не говорят»⁷⁸, – утверждали израильские пророки. Идолы пустопорожни, они ничто, и довольно скоро от них не остается и следа.

В нашем распоряжении имеются инструменты, позволяющие проделывать уверенный путь, и мы не можем подстроить их под себя, мы не в состоянии ими манипулировать. Каждый из нас должен принять этот вызов.

В заключение приведу пример проверки того, что всем нам непрестанно предлагается в Движении и что помогает нам не возвращаться к опыту «А», когда мы пережили опыт «Б».

«Очень конкретным образом я переживаю окончательный переход к зрелости веры. Я в Движении уже тридцать четыре года, но в последний период мне была дарована благодать совершить скачок в самосознании веры. Я заметил диспропорцию между тем, что получил, и моей человечностью. В течение долгого времени я жил с гностической самонадеянностью, полагая, будто понимаю, и силясь – на пелагианский манер – применять на практике то,

⁷⁷ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 229.

⁷⁸ Пс. 113:13.

что, как мне казалось, я понял. Сегодня же все мне видится новым. Я замечаю, что занимаю совершенно иную позицию по сравнению с той, которая была у меня, когда я встретил Движение. Я прихожу в волнение от любой вещи. Слова, которые я читал бесконечное множество раз, вызывавшие во мне интеллектуальное удовлетворение, но не менявшие и на миллиметр мою позицию, теперь обезоруживают меня. Я осознал, что следовал за Джуссани абстрактно, не задействуя всю мою человечность, ум и сердце. Я начал понимать, что значит разумение, полное любви, привязанность к его личности и, как следствие, к его словам. Джуссани перестал быть чужим моей человечности и начал судить о ней изнутри. Мне стал открываться подлинный смысл того, чему я научился и что знал почти наизусть из первой, второй, третьей, пятой, десятой глав „Религиозного чувства“. Я очарован, поскольку вновь становлюсь как ребенок, понимаю, что мне всему нужно учиться, но не для того, чтобы накопить знания, а чтобы „насыщенно жить реальностью“.

Чем больше в отношении со всеми обстоятельствами мы совершаем личную проверку относительно способности Христа менять нашу жизнь («Кто последует за Мной, будет иметь во сто крат в этом мире»), возрождать ее, тем разумнее становится наше признание Его присутствия, наше «да», сказанное Ему и тому конкретному пути, который Он избрал, чтобы достичь нас и покорить, – Движению.

Проверка, таким образом, есть великий путь персонализации веры, созревания уверенности в присутствии Христа в нашей жизни.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Иез. 37:21–28; Иер. 31:10–12, 13; Ин. 11:45–56

ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА

МОНСЕНЬОРА МАТТЕО ДЗУППИ, АРХИЕПИСКОПА МИТРОПОЛИТА БОЛОНЬИ

Настоящие упражнения вводят нас в Святую неделю Страстей и Воскресения. Эти дни озаряют все наши дни. Мы готовимся взволнованно следовать за Сыном Человеческим в Его любви до самого конца. Его страдания неизменно ставят перед нами вопросы и обращают в верном направлении. Действительно, Он всего Себя отдает в наше распоряжение и помогает нам понять, где мы. Мы предадим Его из-за банальной самонадеянности, думая, будто противоположность страха есть храбрость, а не любовь. Мы, возможно, заплачем и начнем все заново с Его слова, как Петр; увидим боязливость власть имеющих и ожесточение законников, осуждающих Его; придем в смятение перед нашей убийственной глупостью, спрятавшись в толпе, которую дергают за нитки, которая вопиет об осуждении Того, Кто есть ее спасение. Мы замрем вместе с Марией под крестом и примем решение повзрослеть, когда возьмем к себе вверенную нам Матерь и научимся оберегать ее, чтобы всегда быть ответственными детьми, а не далекими сиротами.

Любя Иисуса и следуя за Ним, и мы в свою очередь становимся святыми: не совершенными, вынужденными заботиться о видимости, обуздывать нашу тягу к первым местам, но малыми – просящими подаяние, как сказал бы «кто-то», – великими только потому, что Иисус любит нас. Иисус есть встреча, вечно новая встреча, нежно подталкивающая нас, чтобы мы неизменно бежали вперед, особенно, когда шаг становится немного тяжелым и немного ленивым. Эта встреча твердо просит у нас не бояться быть с Ним, любить Его и не пускать жизнь на самотек, расточая и ее, и дары, которые есть в ней.

Время коротко и летит стремительно. Пасхи и другие благоприятные моменты не бесконечны! Мы люди бедные: какая радость понимать и слышать это от кого-то, и учиться смеяться над самими собой. Порой мы относимся к себе слишком уж серьезно, так что никто нам и слова сказать не может; ирония и хорошее настроение помогают нам не возводить в абсолют наше «я» и притом возводить в абсолют Господа (второе дается нам решительно труднее!). Помните о собственной немощности вовсе не безразлично, как идолопоклонничество «я» нас заставляет верить.

В Великий пост мы «пришли в себя», а не вышли из себя. Мы бедняки, протягивающие руки к той единственной руке, которая спасает. Именно такой прекрасный образ запечатлен на пасхальном плакате этого года. «Я остаюсь

таким же бедолагой, но Христос дает мне уверенность, богатство. <...> Только в общении с Ним человек любит себя самого, только тот, кто несет весть о Его Присутствии, может говорить о любви к себе самому, о любви к себе, а значит, и о любви к другим»⁷⁹, – утверждал отец Джуссани. Эта не самоочевидная мысль для нашего поколения, которое воплощает в жизнь и теоретизирует любовь к себе, сведенную, однако, к индивидуализму, и, возможно, гарантирует себе все права, но без ближних и в конечном итоге без любви.

Мы, как было сказано, народ, обещанный пророком, народ, состоящий из смиренных и нищих людей: «На этой земле... Я сделаю их одним народом» и «устрою храм Мой». Я верю (для меня это несомненно, но, думаю, и для всех вас тоже), что видеть вас, видеть вас вот так, быть вместе в том числе и буквально и видеть этот «храм», – все это помогает нам во дни одиночества и затруднений помнить, что мы часть народа И мы обнаруживаем, что народ этот куда шире, чем нам представлялось (по благодати!), но он требует от нас постоянно обновляющегося и личного присоединения. Не народ героев, которые в конце концов разделяются и истощают себя в противоборстве, но народ братьев, призванных служить и оберегать общение, ибо оно не само собой разумеется и не осуществляется раз и навсегда.

Быть святыми – вот наше единственное геройство, позволяющее нам стать по-настоящему самими собой и проявляющееся в любви к другим, а не в их использовании и не в пробивании себе дороги. Мы народ, которому не свойственно высокомерие святош и негативная суровость тех, кто пророчесствует несчастья, тех, кто не умеет распознавать знамения благодати и не видит ничего кроме бед и напастей, потому что не прочитывает историю и не верит в Провидение. Как же радостно принадлежать этому народу бедных людей и на протяжении долгих лет (думаю, это верно для многих из вас) состоять в верной, полной любви дружбе, где ищут блага друг друга и способствуют ему в единении с «достойной доверия компанией», как называет ее папа Франциск, с частью каравана, который никогда не переставал идти вперед и сопровождал столько из нас практически всю жизнь.

Единство и согласие этого народа (всегда такое хрупкое, и потому нужно служить ему, а не использовать его в своих целях) поручено каждому. Джуссани с взволнованностью говорил о Церкви как о «месте, где все люди обогащаются». Это противоположно тому, что происходит в мире, где обогащаются немногие, а все прочие остаются бедняками. Здесь же «все люди обогащаются, отдают себя в дар и обогащаются даром других». «Церковь, – продолжал отец Джуссани, – трогательная обитель человечности, настоящая обитель человечности, место, где человечность возрастает, умножает-

⁷⁹ L. Giussani. *Qui e ora* (1984–1985). P. 68.

ся, непрестанно отбрасывая все фальшивое, что мы, будучи людьми, в нее вносим; но она человечна, а потому люди становятся человеческими, когда отбрасывают фальшивое и любят чистое. Церковь – воистину трогательное явление». И еще он добавлял: «Переживание этой растроганности есть борьба с нигилизмом, против нигилизма»⁸⁰.

В некотором смысле эти дни, как мы слышали в Евангелии, очищают нас перед Пасхой, для переживания Пасхи, но они также являются ее великим предвестием. Действительно, Святая неделя – благоприятное время, чтобы отбросить все фальшивое, чем полнится наше сердце и наше Братство, ибо мы созданы ради любви, ради святости; отбросить не в силу нашего совершенства, а в силу того, что мы любимы; чтобы просить о возможности отбросить все фальшивое, просить о прощении и самим прощать, решить любить и открываться перед лицом столь великой любви.

Мы принадлежим к поколению, лишенному связей, боящемуся их и в результате связанному множеством зависимостей. И поэтому давайте благодарить за то, что мы – часть такого народа, который продолжает воспевать свое освобождение, то есть свою любовь к Господу, возвращающему нас самим себе. Мы не утратили изумление от вечно обновляющейся встречи. Наоборот. Пасха Страстей и Воскресения (одно не существует без другого!) помогает нам обрести изначальную любовь, чтобы не стать теплыми и скупыми служителями, порой испытывающими горечь от неизбежных разочарований. Она подталкивает нас на поиски не врагов, но людей, укрепляет в нас радость от общения со всеми и воодушевление, не позволяющее довольствоваться посредственностью или быть теплыми и угрюмыми свидетелями.

Каждому из нас вверена частица этой харизмы, этого народа, как мы слышали в словах пророка, каждому вверено обещание, которое проходит сквозь нашу жизнь, о чем ранее сказал отец Каррон, и становится конкретным, хотя, возможно, замечаешь это долгое время спустя: «Наконец-то я понял!» И мы должны нести все это миру, разумно и терпеливо дарить людям дружбу и любовь, ибо они дар, а дар теряется, если мы присваиваем его себе. В действительности мы обладаем лишь тем, что дарим. Пусть многие увидят красоту, истину, благо не как отвлеченные понятия и не как далекую от них правду, пусть их видят в каждом из нас, в нашей человечности, осязаемой и бедной, какая она есть, в красоте, истине и благе нашей личной жизни. Давайте заботиться об этом.

Именно поэтому мы не тоскуем по прошлому: Христос – присутствие, которое истинно для нас и сегодня, человеческое присутствие, которое обе-

⁸⁰ L. Giussani. *Il tempo e il tempio. Dio e l'uomo*. Milano: Bur, 1995. P. 74.

регало нас и постоянно обновляется, не теряя себя и не обесцениваясь. Его присутствие становится нашим присутствием. Присутствием, познавшим грех, но не впавшим в цинизм и не сдавшимся. «Они будут Моим народом, а Я буду им Богом». Это присутствие по-прежнему подталкивает нас, чтобы мы шли «с весельем», как пелось в одной старой песне⁸¹, навстречу бедным и всем людям. «Они будут Моим народом, а Я буду им Богом. И заключу с ними завет мира, завет вечный. И поставлю среди них жилище Себе [Его храм]».

Вот что выстоит под ударами времени. Долговечна любовь, которая не истлевает, ибо она святость Бога, святость личная и всего народа, моя и наша. Долговечна дарованная любовь, служение братьям и бедным (в том числе наименьшим братьям этого самого Братства), служение, в котором мы склоняемся, чтобы омыть их ноги. Долговечно общение, которое объединяет нас и которое грех не в состоянии разделить. Долговечна Его любовь, отвечающая на вопрос сегодняшнего Евангелия, а по сути – на вопрос нашего ожидания, порой отчаянный: «Как вы думаете? не придет ли Он на праздник?» Да, мой и наш Господь идет, и идет Он только из любви. Он приходит, и Его верность продолжается, даже когда кажется, что все кончено. Он приходит на праздник, отдавая Свою жизнь, чтобы приготовить праздник, который не кончится никогда.

«Душой христианина в жизни должна двигать всеохватная положительность, в каких бы обстоятельствах он ни находился, какие бы угрызения совести ни испытывал, какая бы несправедливость ни давила на него, какой бы мрак его ни окружал, какая бы враждебность, какая бы смерть ни осаждали его. Потому что Бог, сотворивший все сущее, благ, Бог есть положительная гипотеза в отношении всего, чем живет человек»⁸². Эти слова отца Джуссани становятся нашей молитвой, уверенной и радостной оттого, что мы нашли нечто, что длится всегда: любовь, желающую лишь нашего блага.

Сия есть Пасха, позволяющая нам воскреснуть с Ним, продолжающаяся вечно.

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Хулиан Каррон. Дорогой владыка, хочу поблагодарить вас от всего сердца от себя и от лица всех присутствующих здесь за то, что вы согласились предстоять на этой Евхаристии во время ежегодных духовных упраж-

⁸¹ Cf. La canzone della Bassa // *Canti*. Milano: Società Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2014. P. 234.

⁸² L. Giussani. *Alla ricerca del volto umano*. Esercizi spirituali della Fraternità di Comunione e Liberazione. Rimini, 3–5 maggio 1996. Suppl. a *Litterae communionis – Tracce*. Luglio-agosto. 1996. P. 12.

нений. Спасибо вам за ваши слова, спасибо за ваше свидетельство о полном и радостном следовании за папой Франциском в непростой момент переменных эпохи. Именно этим хочет жить и каждый из нас, все больше соединяясь с Христом и с Его Церковью, выходя навстречу нашим братьям, особенно бедным и нуждающимся. Спасибо!

Монсеньор Дзуппи. Это я благодарю за приглашение. Мне говорили, что вас в Римини будет немного... Так или иначе спасибо. Я ощущаю дар нашего совместного пути, дар общения, дар этого Братства. Я также должен благодарить тех из вас, кто живет в Болонье, благодарю их за служение и свидетельство. И еще я думаю, что мы должны обратить нашу общую благодарность к грядущему Господу. «Кто знает, придет ли...» – могли бы мы подумать. А Он идет! И эти дни помогают нам открыть сердце и не уподобляться людям, «которые живут Великим постом без Пасхи», как с иронией описывает их папа Франциск. Эти дни готовят нас к тому, чтобы отбросить, выражаясь прекрасными словами отца Джуссани, процитированными ранее, все что в нас фальшиво, поскольку мы созданы для этого народа, для этого храма, и наша нищета действительно обретает Пасху и воскресение уже в том, что мы вместе, на одном пути. Благодарим за это Господа и просим благословения, чтобы на Пасху мы были с Ним, чтобы с Ним мы, не сбегая, встречали лицом к лицу зло, чтобы в нас была сила любви, превосходящая любую враждебность, и чтобы мы сознавали: если отдаешь жизнь, значит, она будет длиться вечно.

Salve Regina

Суббота, 13 апреля, вечер

На входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт. Концерт для фортепиано с оркестром ре минор №20, К 466

Клара Хаскил – фортепиано

Игорь Маркевич – Оркестр Ламурё

«Spirto Gentil» n. 32, Philips

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

«Сия есть победа, побеждающая мир, вера наша» (Ср. 1 Ин. 5:4)

Первый наш шаг сегодня утром заключался в констатации: «Существует иной тип человеческих отношений, среда, в которой больше уважения, больше истины, существует новизна жизни, которую мы замечаем во многих из тех, кто нас окружает, и которую нам помогли уловить страницы книги „Зачем Церковь“». Именно это поражает сильнее всего, когда я путешествую по миру, когда встречаюсь с разными общинами Движения: в самых отдаленных местах находятся простые люди, без громких имен, их почти никто не знает, но они переживают потрясающий опыт, переполняющий их благодарностью. В самых разных ситуациях, бесконечно более драматичных, чем мы можем себе представить, многие начинают переживать опыт новизны, расцвета, активизации жизни, иного подхода к обстоятельствам, включая и трудности.

Такое возможно где угодно и для кого угодно. Именно это всякий раз изумляет меня. Послушайте, что говорит о себе Алена из Караганды: «Я встретила Движение в девяносто седьмом году, когда отец Эдоардо пришел в нашу школу, чтобы на уроке истории рассказать об Италии. Между нами завязалась дружба, он периодически ужинал с нами, глубоко поразил нас, а спустя какое-то время пригласил на каникулы. Мы никогда не видели ничего подобного, он нас покори́л. Мы стали участвовать в школе общины, встретили новых друзей, продолжали ездить на каникулы. Потом я поступила в университет, и после двух курсов меня захватила студенческая жизнь. Я оставила общину, поскольку [обратите внимание на эту мысль] мне казалось, что я уже получила веру, а значит, могла ходить в церковь и сама. Община как будто перестала мне помогать. Я вышла замуж, у меня родилось двое дочерей. Когда появилась на свет младшая, у старшей обнаружилось заболевание. Естественно, для меня это стало серьезным испытанием. Я вновь начала искать смысл, ощущала огромную нехватку в отношениях с мужем, с детьми, у меня было ощущение, что жизнь словно превратилась

в замкнутый круг, мне все время чего-то недоставало. Еще через семь лет моя младшая дочь должна была пойти в первый класс. На школьном дворе я встретила мою бывшую учительницу, которая пришла в Движение вместе со мной. Разговорившись, я спросила у нее: „А есть еще школа общины и все остальное?“ – словно с надеждой. Она ответила: „Конечно! Мы есть“. Потом посмотрела на меня и спросила, как я живу. Когда я рассказала ей о старшей дочери, она добавила: „Такого ребенка любят гораздо больше. Поехали вместе с нами на каникулы“. На тех каникулах я снова увидела людей, с которыми познакомилась много лет назад, увидела, как они живут, что их глаза сияют счастьем, увидела их семьи, которые радуются жизни. И я поняла, насколько я закрыта, осознала, что моя жизнь – бег по кругу без всякого смысла, и почувствовала, как мое сердце вновь наполняется восторгом. С тех пор прошло уже пять лет, и я все еще чувствую, что это единственное место, в котором я живу по-настоящему и являюсь самой собой, в котором я люблю свою дочь, как всегда хотела ее любить, могу любить моего мужа таким, какой он есть. Ничто, кроме Христа, не способно ответить на мои вопросы. А школа общины и каритатива возвращают меня к самой себе».

Благодаря чему стал возможен этот другой образ жизни? Он стал возможен (ответу, обозначив самый очевидный фактор) благодаря простому вовлечению собственной жизни в то, что предлагает Движение, то есть Церковь, как она нас достигла и убедила, благодаря верности ее предложению. Тот, кто решил вовлечься в жизнь, предлагаемую Церковью через Движение, на опыте увидел новизну, которую мы можем констатировать и которая передается другим, многочисленные знаки которой мы видим. В жизни нет ничего машинального, а уж тем более в христианстве. Поэтому в одной общине могут быть люди, всерьез принимающие предложение и живущие в верности ему, и те, кто остается безразличным.

Тут снова возникает вопрос, вынесенный в тему наших упражнений: что выстоит под ударами времени? Чем очевиднее опыт полноты жизни и новизны, тем этот вопрос острее: как такое изменение способно сохраняться?

1. Проблема долговечности

Как становится нашим взгляд, который мы порой ощущаем на себе и который переполняет нас радостью? Как становится нашей красотой? И как то, что мы испытываем, когда жизнь христианской общины всецело захватывает нас, способно достичь всех, всех до единого аспектов существования?

Нам крупно повезло: отец Джуссани много лет назад уже задался тем же вопросом (что сохраняется во времени?) на определенном витке опыта, который переживали студенты, а значит, он может шаг за шагом сопровождать

и нас к ответу на ту неотложную потребность, что мы ощутили в эти дни. Есть лишь один путь, говорит отец Джуссани, один-единственный. Поскольку изменение произошло благодаря нашей верности предложению, необходимо быть верными, «продолжать быть верными»⁸³.

Но тут-то и начинаются наши трудности, потому что и в нас проявляется морализм, характерный для образа мыслей, в который мы погружены. Действительно, порой мы понимаем эту верность, как понимает ее большинство людей, и – предупреждает нас отец Джуссани – связываем ее «исключительно с [нашими] нравственными способностями». Есть искушение истолковывать верность моралистически и волюнтаристски. Мы склонны все рассматривать в терминах «способностей». Иными словами, мы заметили нечто новое в жизни, испытали неожиданные перемены и теперь должны приложить все усилия, чтобы их сохранить, продлить во времени и добиться того же самого во всем. «Подумайте, – говорит поэтотому Джуссани, – о том, как скучна неизбежная повторяемость, причина которой в необходимости всегда говорить себе: „Нужно, чтобы изменились отношения между нами, нужно, чтобы на этих каникулах мы проявляли уважение друг ко другу, нужно, чтобы мы любили друг друга по-братски, нужно быть друзьями от чистого сердца, нужно соблюдать порядок...“ Нужно!» В результате «продвижение вперед» понимается как «усилие вашей воли»⁸⁴, словно достаточно постоянно повторять призыв, чтобы не допустить упадок духа, чтобы всегда поддерживать на высоте мораль войск, как будто мы нашими увещаниями можем произвести то, чего желаем.

«Но, думаю, – говорит он, – я не накликаю беду и не буду пессимистом, если предположу, что со временем ваше внимание к постоянно повторяющимся призывам снизится, произойдет некоторое уменьшение энтузиазма, поскольку энтузиазм появляется только в отношении чего-то нового»⁸⁵. А новое есть истинное, божественное, являющее себя и таким образом привлекающее и приводящее в движение наше существо.

Долговечность изменения никогда не произойдет по нашей воле, ведь все мы изначально знаем, что наши усилия не выдерживают. «В конечном итоге эта наша воля, наше вовлечение, наша этичность неизбежно остаются весьма хрупкими»⁸⁶. Особенно в обществе, где всё утверждает обратное тому, что мы предлагаем и чем пытаемся жить.

Закрывать на это глаза просто невозможно. «Наша внутренняя, структурная немощь уподобляет нас листьям, колышущимся по воле ветра, то

⁸³ L. Giussani. *Qui e ora* (1984–1985). P. 55.

⁸⁴ *Ivi*.

⁸⁵ *Ibidem*. P. 56.

⁸⁶ *Ivi*.

есть легко превращает нас в жертв власти – власти мирской, общественной, гражданской. Только подумайте о том, чтобы постоянно противостоять окружающему нас менталитету, менталитету, определяющему пути и дороги для университетской карьеры, для профессии, менталитету вашей семьи относительно того, чем вам заниматься, всеобщему менталитету! Противостоять вот этому! Не только мирским властям, но и властям церковным: если наш опыт бойкотируется или мог бы бойкотироваться, оспариваться, опровергаться в лоне Церкви, то сила воззвещения и творческий потенциал нашей принадлежности [ко Христу] разрезились бы, все стало бы более ограниченным. Совсем не трудно предвидеть нашу неспособность действительно сопротивляться. Опыт же становится историей, когда власть не в силах его остановить»⁸⁷. Сегодня для всех нас это еще очевиднее, чем десять лет назад.

И потому призыв к верности «определяется в первую очередь не надеждой на вашу силу воли, он не основан на вашей этичности»⁸⁸.

Итак, если верность не зависит от нашей силы воли, то на что же она опирается? Чтобы ответить, мы должны прежде всего спросить себя, как христианство стало историей. В ответе на этот вопрос заключена вся новизна христианства, вся его исключительность, которые необходимо лучше осознать, так как верность основывается на них.

2. «Притязание Христа на современность истории»

Что позволило началу, которое пережили ученики, длиться во времени? Продолжалось ли христианство в истории, стало ли оно историей благодаря силе воли первых учеников? Их ли заслугами было обеспечено постоянство начала? Они тоже были загнаны в угол, когда все рухнуло, когда потерпел крах даже Тот, Кто пробудил в них столь сильное воодушевление. Действительно, после Его смерти двое учеников возвращались домой, говоря: «А мы надеялись было, что наконец пришел Тот, Кто мог исполнить обещание, данное нам при встрече, отвечавшее ожиданиям сердца, но теперь все кончено»⁸⁹. И когда некоторые из женщин побежали к апостолам, чтобы возвестить им о Воскресении, некоторые подумали: «São loucas» («Они безумны»), – как поется в одной песне⁹⁰. И двое из Эммауса пошли восвояси в разочаровании.

⁸⁷ *Ibidem*. P. 56–57.

⁸⁸ *Ibidem*. P. 58.

⁸⁹ Ср. Лк. 24:13–35.

⁹⁰ *Barco Negro*. Слова Д. Моран-Феррейры, музыка. К. Велью и Пиратини.

Но если дело не в их усилении (эта мысль уже освобождает), не в их организаторских способностях, что же тогда позволило изначальному феномену продолжаться во времени? Как объяснить его долговечность?

Вопрос этот преследует историков и всех, кто берется за евангельский рассказ. Читая тексты Евангелий, ничуть не утаивших замешательства апостолов, мы оказываемся перед парадоксом: все Его ученики оставили Его и бежали, но уже через несколько дней они вновь вместе, полны воодушевления и готовы к чему угодно. Вот этого-то историки и не могут объяснить. Но подобная перемена должна иметь объяснение! И потому они обращаются к тому же слову, что и мы с вами в эти дни: вероятно, случилось «что-то», благодаря чему потерянные, разочарованные люди, которые разошлись по домам скептиками, поскольку данное им обещание так и не исполнилось, вдруг вновь оказываются едины, воодушевлены, готовы к чему угодно, преисполнены сил.

Даже Давид Фридрих Штраус, рационалист, отрицающий историчность воскресения, чтобы объяснить переворот, случившийся в апостолах, вынужден допустить, что «что-то», по всей видимости, произошло. В самом деле, никакая ложь, придуманная учениками, не обосновала бы в достаточной мере перемену, проявившуюся в них в столь короткие сроки. «Живые выдумки апостолов [т. е. наскоро состряпанные истории о Его якобы воскресении и последующих явлениях] не вдохновили бы их на бесстрашное и упорное возвешение Иисусова воскресения посреди величайших опасностей. Недаром апологеты и по сей день настаивают, что необычайный переворот, совершившийся в апостолах и приведший их от глубочайшего уныния, от утраты всякой надежды в момент смерти Иисуса до веры и душевного подъема, с которым они в Пятидесятницу возвещали о Нем как о Мессии, – такой переворот невозможно было бы объяснить, если бы тем временем [то есть в течение нескольких недель после Его распятия] не случилось что-то, что убедило их воскресении Иисуса распятого»⁹¹.

Христианство стало историей, достигшей сего дня, достигшей меня и тебя, в силу событий, произошедших в дни после распятия. Благодаря чему оно стало историей? Благодаря тому, что божественное явило себя с еще большей силой: единственная причина, по которой все переменялось и продолжилось во времени – тот факт, что Его видели живым. «„Христос воскрес“ значит, что Христос владевает над временем, Он Господин времени, Он побеждает время»⁹².

⁹¹ D. F. Strauss. *La vita di Gesù o Esame critico della sua storia*. Milano: La Vita Felice, 2014. P. 1395–1396.

⁹² L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. P. 63.

Христос присутствует здесь и сейчас! В этом заключается исключительность христианства, и потому Христос отличается от любой другой фигуры из религиозного пантеона. «Исключительность – в притязании Христа на современность истории»⁹³, современность, которую не смогла затормозить никакая власть, и так она дошла и до нас. Никакая власть никогда не оставит ее.

И следовательно, верность есть верность Христу воскресшему. То, что обеспечивает долговечность, что выдерживает удары времени, – это не мы с нашими способностями, а нечто новое, само Его присутствие, Его присутствие здесь и сейчас, присутствие в настоящем, которое вошло в нашу жизнь, которое неоднократно являлось перед нашими глазами, которое мы уже не в силах вырвать из себя. Я не могу его вырвать из себя, не могу вырвать его из своей истории. Я могу уйти от него, но и тогда я понесу его в себе. «Что-то», что историки вроде Штрауса допускают, хотя сами они этого не признают и не придерживаются, – факт воскресения Христова. Верность, о которой мы говорим, есть верность этому свершившемуся факту.

«Первые ученики могли бы в тоске и печали оставить пережитый ими опыт полноты где-то далеко... воспринимать его как и любой другой опыт из других сфер жизни, из других моментов истории. Однако исключительность... пересечение, как говорит Элиот в „Четырех квартетах“, времени и вневременного состоит в том, что произошедшее изменение длится, продолжается, становится долговечным („долговечность“ означает иную реальность, иной способ существования реальности, поскольку долговечность – это структура бытия, иное бытие), то есть делается историей. Исключительность состоит в том, что изменение длится, делается историей»⁹⁴.

Постоянство изменения, превращение изначального события в историю, конечно, подразумевает мою верность, но эта верность обеспечивается, порождается не мной, а Присутствием, господствующим в истории, победившим время и пространство и пребывающим здесь и сейчас. «Он здесь. / Он здесь, как в первый день»⁹⁵, – говорил Пеги. Он присутствует сейчас. «Что-то предшествует» моей верности, требует моей верности и поддерживает ее: Его событие, происходящее сейчас.

«Год назад я оказалась перед лицом серьезного испытания. Мне было плохо, но я пыталась сохранять хоть какую-то связь с некоторыми друзьями, которые не сгибаются, в которых нет страха. Как-то раз я пошла навестить одного из

⁹³ *Ibidem.* P. 64.

⁹⁴ *Ibidem.* P. 60.

⁹⁵ Ш. Пеги. Мистерия о милосердной любви Жанны Д'Арк // Ш. Пеги. *Избранное: Проза. Мистерии. Поэзия.* М.: Русский путь, 2006. С. 238.

них. Мое состояние в тот день было хуже некуда. Он сказал мне следующую фразу: „Наша дружба священна, потому что она ставит вопросы, ответить на которые может лишь Иной“. Спустя несколько недель я оказалась на ужине еще у одной подруги, и она, когда я расплакалась, взглянула на меня и в упор спросила: „Кто ты такая?“ Тогда я сказала сама себе: ответом для меня являются не слова, не христианские объяснения, а Его присутствие. Ни больше, ни меньше! Ответ – это Он Сам, во встрече навсегда ранивший мое сердце Своей красотой. На поворотах моей жизни, которая является историей в рамках Истории, я вижу, что единственно долговечна верность Бога, продолжающего ожидать меня, желать меня, искать меня: Он уже в моей жизни!» Христос идет нам навстречу в друзьях, которые не сгибаются и в которых нет страха.

В чем же тогда заключается смертельная опасность, какую мы часто видели в эти годы? В том, чтобы привязать Христа, событие Его присутствия, встречу с Ним к прошлому и жить воспоминанием, ностальгией по началу (об этом нам недавно напомнил архиепископ Милана⁹⁶), в самонадеянных попытках самим развивать последствия встречи. Одним словом, нас подстерегает кантианское искушение. В результате Христос становится «не-присутствием», присутствием, относящимся к прошлому, предпосылкой, оставшейся у нас за плечами и вдохновляющей наши дела и проекты. Будьте внимательны, такой подход свойствен не только протестантизму: мы тоже можем применять его в отношении той решающей встречи с Движением, которой отмечена жизнь всех нас, собранных здесь.

«Существует опасность, – говорит отец Джуссани, – и мы испытали ее на себе: сколько людей она подкосила!» В чем эта опасность? «Как человечество всегда видело в Золотом веке начало человеческих времен, земной рай, так многие люди воспринимали начало нашего Движения или начало участия в Движении в качестве своего рода золотого века, этакое чудесное очарования, которое время, однако, лишает его притягательности... <...> ...протестантизм возвел в систему такой взгляд на фигуру Христа. „Был“ один момент. И почему он случился? Он случился, чтобы человек во все времена, вспоминая о нем, имел причины для надежды на будущее, на загробную жизнь, на свою судьбу, пока он идет по жизни, столь исполненной всевозможных разочарований, прежде всего – разочарования в самом себе, нравственного разочарования!»⁹⁷

О том же только что написал папа Франциск в апостольском послании *Christus vivit*: «Мы рискуем воспринимать Иисуса Христа лишь как положи-

⁹⁶ Cf. M. Delpini. *Dimorare in Cristo*. Omelia per l'anniversario della morte di don Giussani e del riconoscimento pontificio della Fraternità, 11 febbraio 2019 (*Обитать во Христе*. Проповедь по случаю годовщины смерти отца Джуссани и папского признания Братства. 11 февраля 2019 г.). www.chiesadimilano.it.

⁹⁷ L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. P. 60–61.

тельный пример из прошлого, как воспоминание, как кого-то, кто спас нас две тысячи лет назад. Но тогда в Нем бы не было никакого толка, мы остались бы прежними, это бы нас не освободило»⁹⁸.

«Поэтому, – продолжает Джуссани, – я настаивал: исключительность – в том, что изменение длится, становится долговечным, делается историей, факт делается историей, не прерывается, и то, о чем говорится в первом плакате⁹⁹ [то есть весть о Боге, Который воплотился, стал человеком в рамках истории], две тысячи лет спустя все еще истинно, в смысле испытано, обновлено, стало новым, прожито и останется истинным и через две тысячи лет, если еще будет мир. Божественное побеждает время, но время не в эсхатологическом понимании (как в протестантизме: победа Бога в конце времен, победа Бога в конце твоей жизни, когда Он совершит над тобой Свой суд после смерти); речь о победе Бога во времени, над временем, внутри времени»¹⁰⁰.

Подлинный вызов в том, способно ли продолжаться начатое, становится ли оно нашим, иными словами в состоянии ли Христос воскресший породить новое творение, свидетеля, в котором видно, что отношение с Его присутствием ожидает нас не потом, не после смерти, а сейчас, ведь мы уже сейчас можем прикоснуться к нему.

Итак, постоянство новизны не гарантируется «нашей упорной последовательностью», не обеспечивается силой воли, «бесперебойно продолжающимися призывами»¹⁰¹ или разумностью наших скучных усилий. Нет! «Исключительность, в силу которой изменение становится историей, становится долговечным, остается... возможна благодаря чему-то объективному и уже существующему. Ясно следующее: постоянство моего изменения, твоего изменения возможно либо благодаря чему-то, что есть в тебе, либо благодаря чему-то объективному и уже существующему; оно зависит либо от твоей воли, либо от чего-то объективного и уже существующего (уже существующего!), от чего-то реального, господствующего в текущей реальности. Это весть второго плаката: Христос воскрес, Бог дал в руки Тому Человеку историю!»¹⁰²

⁹⁸ Francesco. Esortazione Apostolica post-sinodale ai Giovani e a tutto il Popolo di Dio *Christus vivit*, 124.

⁹⁹ Здесь и в сн. 102 и 107 имеются в виду первые два пасхальных плаката, подготовленные «Общением и освобождением» в 1982 и 1983 гг. – *Ред.*

¹⁰⁰ L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. P. 61.

¹⁰¹ *Ibidem*. P. 57.

¹⁰² *Ibidem*. P. 62–63. «Для меня довольно, чтобы Иисус жил. Если живет Он, живу и я, ибо душа моя держится на Его душе, и более того, Он моя жизнь, то, в чем я нуждаюсь. И действительно, чего мне недостает, ежели Иисус жив? Да лишись я всего, это ничего бы не значило для меня, только бы Иисус был жив» (Геррик Иньийский. I проповедь на Воскресение Господне. См. Guerrico d'Igny. *Pensieri d'amore*. Casale Monferrato (Al): Piemme, 2000. P. 257).

Мы можем выразить ту же мысль и словами папы Франциска: «Тот, Кто наполняет нас Своей благодатью, Тот, Кто освобождает нас, Тот, Кто преобразует, Тот, Кто нас исцеляет и утешает, есть Некто живущий. Христос воскресший»¹⁰³.

Толстой пишет: «Христос умер очень давно, и плотское существование Его было короткое, и мы не имеем ясного представления о Его плотской личности, но сила Его разумно-любивой жизни, Его отношение к миру – ничье иное, действует до сих пор на миллионы людей... принимающих в себя это Его отношение к миру и живущих им. Что же это действует? Что это такое, бывшее прежде связанным с плотским существованием Христа, составляющее продолжение и разрастание той же Его жизни? Мы говорим, что это не жизнь Христа, а последствия ее. И сказав такие не имеющие никакого значения слова, нам кажется, что мы сказали нечто более ясное и определенное, чем то, что сила эта есть Сам живой Христос»¹⁰⁴.

«Христос воскрес» означает, что Христос присутствует в настоящем, что Он здесь, как в первый день: «В мире существует некая реальность, реальность, которая затронула нашу плоть и кровь в Крещении, реальность, которая делается слышимой и видимой через нашу компанию... существует реальность, которая пронизывает время и творит поток, народ, не имеющий конца, куда призваны все люди, реальность, которая есть Бог, ставший человеком. Сотворивший все отождествился с ненадежной плотью, отождествляется с ненадежной плотью, делается слышимым и осязаемым через ненадежность плоти. То, ради чего создан человек, есть этот Человек среди нас»¹⁰⁵.

В 1984 году, вспоминая начало нашей истории, отец Джуссани говорил: «Изначальное очарование Движения связано именно с этим. С первого же дня, как мы начали говорить, вестью была победа Христа над миром, победа Христа над историей: „Иисус Христос – центр мироздания и истории“»¹⁰⁶.

Христос современен истории и становится слышимым и осязаемым через компанию Церкви, через ненадежность плоти, и потому этим нужно жить сейчас: я, ты, мы должны «жить в Его вновь происходящем событии, и никакие силы власти, гражданской ли или церковной, никогда не смогут остановить эту современность, никогда!» Отец Джуссани добавляет одно замечание, верное сегодня и для нас, которым так часто хочется по причине экзистенциальной неуверенности заняться подсчетами: «Неизвестно, останется в конце мира лишь двенадцать, как предполагал или воображал Соловьев, или же

¹⁰³ Francesco. *Christus vivit*, 124.

¹⁰⁴ Л. Н. Толстой. *О жизни*. С. 413–414.

¹⁰⁵ L. Giussani. *La verità nasce dalla carne*. Milano: Bur, 2019. P. 115.

¹⁰⁶ L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. P. 64.

двенадцать миллиардов, да и не важно, дело вообще не в этом. Дело в том, что современность Христа истории никто никогда не приостановит, никто ей не воспрепятствует, никогда... И потому необходимо, чтобы верность была опытом Христа, как о Нем говорится в первом плакате, чтобы это была верность произошедшему факту. Следовательно, верность есть опыт изменения, продолжающегося в истории, опыт изменения, произведенного... чем-то реальным и уже существующим: верность нужно хранить этому чему-то, что уже есть»¹⁰⁷ и что меняет меня сейчас, порождая во мне новое творение, продолжающееся во времени.

Вот пример такой верности чему-то уже существующему: «Я сознаю, что достаточно всего-ничего (болезни, рискованного решения, неприятной случайности), чтобы загнать меня в угол и заставить меня выпустить из рук все, что я как будто держал под контролем. Пару раз такое уже случалось и может случиться вновь. Чтобы ответить на твой вопрос, я лишь могу прибегнуть к личному опыту. С помощью чего мне удалось выйти из того, что буквально казалось тюрьмой, где решеткой была несостоятельность моих действий и моих мыслей? Круговорот, захвативший меня, не помешал мне оставаться преданным тому, что продолжали предлагать друзья из Движения. Это были простые, неброские вещи, но предлагали их с неиссякаемой верностью. Я ходил на школу общины, хотя мою голову занимали совсем другие мысли. Но я все равно ходил. Участвовал в каритативе, организованной с обезоруживающей простотой. Смотрел и слушал. Из моей „тюрьмы“ я смотрел на лица и слушал песни с вниманием, какого у меня никогда раньше не было. Повторял слова и изумлялся тому, насколько они казались обращенными ко мне: „Не бойся“, „Ты Бог верный“, „Он каждому снимет башмачки“ и т. д. Я почти с трепетом говорю это, но жизнь оставалась жизнью благодаря простому и верному присутствию, о котором напоминали жесты, которые я видел, и песни, которые мы пели тысячу раз. О чем говорили эти жесты и эти слова, если не о Присутствии в настоящем, если не о том „Ты“, которому известны мои мысли, которое живет во мне?»

3. «Сия есть победа, побеждающая мир, вера»

«Опыт изменения, продолжающегося в истории», как научил нас смотреть на него отец Джуссани, ставит под вопрос наши представления об изменении. «Проблема в том, чтобы выйти за рамки психологического образа изменения». Посмотрите, как тонко он его описывает: «Психологическое представление об изменении – это когда человек говорит: „Да, я должен быть более...»

¹⁰⁷ *Ibidem.* P. 64–65.

должен уметь любить и не использовать других“... но потом он остается в общине, опустив руки или разочаровавшись оттого, что не меняется». Почему мы так часто разочарованы? Потому что отождествляем изменение с чем-то, вписываемым в нашу меру. «Для скольких среди нас это стало возражением: обещание не исполняется, никаких перемен не происходит! Как часто я слышал от людей: „Ничего не меняется!“ Это психологическое представление об изменении, при котором ты замечаешь изменение с помощью твоего сознания, измеряешь его в соответствии с твоим наблюдением, с наблюдением твоего сознания: я был вспыльчивым по характеру, и я до сих пор такой; у меня имелась склонность к клептомании, и я по-прежнему нахожу у себя в кармане вещи моих товарищей; я окончил университет, начал работать по профессии... и не знаю, что делать, все так же, как и раньше, ничто никуда не движется или же не движется, как я того ожидал»¹⁰⁸. Одним словом, мы воспринимаем наше изменение согласно представлениям, которые впитываем из окружающей среды, которые сами себе придумываем, то есть оно видится нам как усиление наших способностей, улучшение результатов нашей деятельности.

Но, если измерить изменение нельзя, в чем же тогда оно состоит? Не является ли оно виртуальным? Каково подлинное изменение?

«Опыт изменения определяется прежде всего признанием Христа победителем истории. И это вера¹⁰⁹. Главное – главное! – уверенность в том, что между нами существует победа над историей. Святой Павел говорит: „Если Христос не воскрес, то и вера наша была бы тщетной, а мы – самыми несчастными среди людей»¹¹⁰.

Итак, подлинное изменение, которое позволяет каждое утро пробуждаться с надеждой, в какой бы ситуации ты ни был, через какие бы трудности тебе ни предстояло пройти, – уверенность в том, что среди нас существует победа Христа в истории. Это метанойя, перемена мысли. Иначе говоря, подлинное

¹⁰⁸ L. Giussani. *Qui e ora* (1984–1985). P. 65, 62.

¹⁰⁹ «Первая задача христиан – свидетельствовать о Воскресении. Они тоже бунтари, которые не могут смириться с человеческим положением. Но им известно, что Кто-то живым перешел по ту сторону вещей и открыл путь и для них» (O. Clément. *La rivolta dello Spirito*. Milano: Jaca Book, 1980. P. 169–170). «Невозможно помыслить, что воскресший Христос оставляет меня таким, как и прежде, не преображая. Он жив как раз для того, чтобы преображать меня. Верить в Христа – значит верить, что в Нем есть активное преобразующее – или освобождающее – начало. Действительно, я свободен не потому, что я грешник и прекрасно это знаю. Я не могу стать свободным, если не преображаюсь. Вот что такое Воскресение. Это не оживление трупа, а переход к свободе, к свободе любить. И такой переход к свободе подразумевает радикальное преобразование...» (F. Varillon. *Traversate di un credente*. Milano: Jaca Book, 2008. P. 149).

¹¹⁰ L. Giussani. *Qui e ora* (1984–1985). P. 66.

изменение есть вера, признание Его присутствия сейчас. Сия есть победа в истории и над историей, «сия есть победа, побеждающая мир, – вера»¹¹¹.

Об этом свидетельствует следующее письмо: «Бесконечно благодарю тебя за вопрос, который ты задал по случаю упражнений Братства. С того дня, как нам его послали, я переживаю каждый момент моего дня с желанием замечать в обстоятельствах, что действительно отвечает на твой вызов. В этот период я вижу: длится во времени лишь признание того, что Иисус постоянно вновь являет Себя и составляет мне компанию здесь и сейчас. Начало может длиться исключительно тогда, когда продолжаешь видеть Его живым посреди нас, встречать в каждом данном тебе обстоятельстве. Вот что обеспечивает долговечность, вот что в конечном итоге делает меня радостной в любых ситуациях, даже в наиболее сложных, – верность этому признанию. В последнее время некоторые мои друзья испытывают затруднения из-за непростого положения в семье, на работе, из-за болезней. В отношении с ними я заметила, что мы по-настоящему составляем друг другу компанию, если вместе держимся места, в котором нам легче признавать присутствие Иисуса, так как лишь это позволяет поднимать взгляд и не сдаваться перед лицом трудностей. Две недели назад мой близкий друг должен был лечь в больницу на серьезную операцию, и он переживал это обстоятельство с большим страхом и тревогой. Однажды вечером он неожиданно позвонил мне и сказал, насколько его поразило письмо в журнале «Трачче», написанное одной девушкой из Болоньи. Ее рассказ был точным ответом на все, что тяготило его в тот момент, и я ответила ему: „Прекрасно! Это же для тебя – Иисус!“ День спустя мы встретились, и у него было другое лицо. По-настоящему другое лицо, другой взгляд, более радостный, исполненный большего доверия. Оказалось достаточным признать присутствующего Иисуса, чтобы победить страх и уныние! [Но верит ли еще кто-то в это?] «Признание Иисуса, Который составляет нам компанию, и взаимная помощь в распознавании несомненных знаков Его присутствия – вот то, что позволяет мне предстоять перед обстоятельствами, перед любым обстоятельством с новым взглядом. Так я все больше понимаю, что подлинное изменение, выдерживающее удары времени, – это признание победы Христа здесь и сейчас. А следование за тобой – для меня прежде всего возможность получать непрестанную помощь в признании Иисуса, являющего Себя в нашей жизни. Результат этого пути в верности авторитету (тому способу, которым Тайна достигает меня в рамках истории) – в том, что каждый вечер я ложусь спать радостной, умиротворенной, благодарной за все дары, постоянно преподносимые мне Тайной». Вот изменение, продолжающееся во времени.

¹¹¹ Ср. 1 Ин. 5:4.

«Главное – уверенность в том, что между нами существует победа над историей. Именно эта уверенность, называемая верой... дает нам способность к неистощимому нравственному усилию¹¹². Но в таком случае... нравственное усилие становится „участием в факте“»¹¹³.

Человеческое «я» как главный герой истории порождается присутствием Христом, признанием присутствия Христова. В этом заключается большая разница между католицизмом и протестантизмом. Джуссани настаивает: «Новое действующее лицо истории, отличное от всех остальных, то есть мы, формируется благодаря чарующему притязанию Христа на современность истории... благодаря чарующему историческому значению Христа воскресшего. И говоря «мы», мы с изумлением понимаем глубочайшую разницу между тем, как движется сквозь историю Бог, и нашими собственными способностями, результатом наших способностей. Результат наших способностей должен бы заставить нас незамедлительно отступить. Проблема же в другом: не в этичности, а в вере. Этичность возможна как следствие веры. <...> Поэтому [как вы можете прочесть на пасхальном плакате этого года] «люди, которые шли за Ним, ученики, которые последовали за Ним, были такими же бедолагами, как я и ты, но Его Присутствие определяло их как новую надежду, совершенно новую уверенность, новую реальность. Его Присутствие современно мне, моим детям, тем, кто придет позже, через сто миллионов лет, – и вот победа, побеждающая мир, вот совершенная новизна, вот божественное в истории! Я остаюсь таким же бедолагой, но Христос дает мне уверенность, богатство. Моя личность, ее сила притяжения, мое умение любить себя зависят от существования Его Присутствия¹¹⁴. Только в общении с Ним человек любит себя самого, только тот, кто несет весть о Его Присутствии, может говорить о любви к себе самому, о любви к себе, а значит, и о любви к другим»¹¹⁵.

Подлинный ресурс нашей жизни – Присутствие в настоящем, наполняющее нас изумлением от того, что оно есть! «Христос жив. Он наша надежда и самая прекрасная юность этого мира. <...> Он жив и хочет, чтобы и ты жил!»¹¹⁶ Благодаря этому Присутствию, меня, в конечном счете, не определяют мои недостатки, мои падения, моя никчемность или мое зло. Причаст-

¹¹² «Она знала, как приучить меня к дисциплине, к жертве с помощью простого дая себя. <...> Ее дар себя помогал мне интуитивно распознать новые обязанности, они у меня на глазах обретали тело» (С. Pavese. *Il mestiere di vivere*. Torino: Einaudi, 1990. P. 34).

¹¹³ L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. P. 66.

¹¹⁴ «У Господа мы не только должны испрашивать милость, нужно обращать к Нему всю нашу любовь так, чтобы с Ним любить и самих себя» (Бернард Клервоский).

¹¹⁵ L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. P. 67–68.

¹¹⁶ Francesco. *Christus vivit*, 1.

ность к той компании людей, где присутствует Христос, лучше тысяч наших проектов, лучше тысяч разговоров, лучше всей болтовни между нами отвечает на нигилизм, который мы обнаруживаем в себе, на отсутствие доверия, на все ощущение нашей никчемности! Факт – вот что такое христианство! Ответ не в наших дискуссиях, не в наших усилиях, а в факте, подкрепленном несомненной очевидностью.

Именно уверенность в Его присутствии, называемая верой, дает нам неисчерпаемую способность предстоять перед чем угодно. И потому единственная истинная нравственность есть нищета духа в человеке, признающим факт, есть простота сердца. Ученикам, когда они положили Его во гроб, и в голову бы не пришло и во сне не приснилось, что они увидят то, что позднее увидели: Его живого!

О ком мы можем сказать: «Ты всегда со мной»? «Я знаю, любовь моя, / что ты никогда и не уходил, / ведь все вокруг / говорит мне, что ты всегда со мной»¹¹⁷. Будьте внимательны: признание его присутствия не происходит машинально, оно включает в себя борьбу между опытом, который ты переживаешь, и миром, который Его не признал, между опытом, который пережили ученики со Христом воскресшим, и пустословием, которое разбушело вокруг женщин из песни: «São loucas! São loucas!» – они сумасшедшие! То же самое могут сказать и о нас: «Да вы не в себе!»

Подлинный вызов для разума и свободы каждого из нас заключается в таком признании, и потому нет более великого решения, чем вера. Мы приехали не ради того, чтобы самим придумывать вопросы и ответы на них, думая, будто мы как по волшебству нашли то, что выдерживает удар времени, словно мы вытащили решение из цилиндра. Нет, мы здесь, чтобы идти до самой сути произошедшего с нами. И мы в полной мере видим, с чем встретились, по-настоящему признаем истинным переживаемый опыт лишь тогда, когда признаем Христа, действующего среди нас. Каждому из нас пришлось бы игнорировать все признаки новизны, которые мы обнаруживаем в себе, исключи мы факт Христа воскресшего, присутствующего и живущего в христианской общине.

Однажды признав Его живым, присутствующим, как могу я просыпаться по утрам и не желать признать Его вновь, всегда краем глаза видеть Его? Поставим себя на минутку на место учеников: увидев Его живым, как могли они встать на следующее утро, чтобы отправиться на рыбалку, чтобы пойти, подобно святому Павлу, по всему миру и возвещать Христа, чтобы заниматься обычными делами (как для нас сесть в автобус или убраться в квартире), как могли они делать все это и не хранить Его в своем взгляде? Вот почему

¹¹⁷ *Barco Negro*. Слова Д. Моран-Феррейры, музыка К. Велью и Пиратини.

христианское существование для человека, признавшего и признающего Его, кратко выражено прекрасными словами святого Павла, которые мы столько раз слышали: «А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия... предавшего Себя за меня»¹¹⁸. Это и есть истинное изменение: я живу, охваченный Его присутствием, меня определяют не мои попытки измениться, а осознание того, что случилось в моей жизни. Расслабьтесь, друзья, не мы должны «выдерживать», не нашими усилиями все держится. Нет, нет, Он воскрес, и не нам поддерживать Его воскресение. Все наоборот: Христос воскресший поддерживает нашу жизнь. Только признавая Его воскресение, ты расслабляешься, тревога и стресс больше тобой не владеют. И тогда мы начинаем меняться, вся жизнь начинает меняться почти незаметным для нас образом, помимо нашей воли: мы просто обнаруживаем в себе процессы, которые запущены не нами, с удивлением замечаем, как становимся другими.

Опыт признания Христа подводит нас и к следующему шагу: к тому, что следует за признанием, к «постоянству признания». Как он называется? Память. Действительно, о чем просил Христос? О памяти. Он просил хранить память о Нем: «Сие творите в мое воспоминание». Что такое это «сие»? Всё! Именно память, «постоянное признание» Его присутствия есть «подлинная долговечность нашей личности. Если признание есть чарующее содержание нашей личности, если признание Тебя, о Христе, есть все, что меня составляет, то постоянство такого признания формирует – формирует! – нашу личность как нечто долговечное»¹¹⁹.

Разумеется, кто-то все еще может возразить: «Как же устоять?» Однако подобное возражение пресекается на корню: «„Стойкость уже дана“ [не ты должен быть стойким]... потому что стойкость – дело Христа»¹²⁰, это Он сопротивляется времени и, сопротивляясь, позволяет сопротивляться и тебе. Все снова наоборот. И какую глубокую свободу несет нам это открытие.

4. Место, которое есть путь

Чтобы поддерживать живой память, нам дано место: «Место, из которого память проистекает... исток памяти, то есть место, где к признанию побуждают и постоянно призывают, есть знак победы Христа в истории, есть живая община, новая компания, состоящая из людей, пребывающих вместе, потому что существует Христос»¹²¹.

¹¹⁸ Ср. Гал. 2:20.

¹¹⁹ L. Giussani. *Qui e ora* (1984–1985). P. 68.

¹²⁰ *Ibidem*. P. 69.

¹²¹ *Ivi*.

Если мы хотим долговечности, если хотим выстоять во времени, то добиться этого возможно лишь в единственном месте, которое продолжается. Долговечность зависит не от наших усилий, и значит, подчеркивает отец Джуссани, необходимо «приобщаться к знаку победы Христовой», к компании, где есть Он, «Тот, Кто среди нас»¹²². Наш практический долг – приобщаться к знаку этой победы, подобно ученикам, которые на следующий день пошли искать Его, и через день, и еще через день. Они-то как раз сознавали, что если бы не проводили время с Ним, то встреченная новизна со временем стала бы далекой, утратила бы свою действенность.

«Дорогой отец Каррон, хочу рассказать тебе, что со мной произошло. Начать я должен с 1 мая 2012 года, с твоего письма в газету *Repubblica*¹²³, в котором, на мой взгляд, ты дистанцировался от людей из Движения, вовлеченных в судебные разбирательства. Я презрительно отнесся к этому тексту. Я подумал, что отец не пишет так о своих детях, что отец Джуссани никогда не написал бы ничего такого. Спустя несколько месяцев я и сам оказался участником подобного процесса, который освещали в СМИ, и в мгновение ока моя жизнь полностью изменилась: я потерял работу и столкнулся со всеми проблемами, которые обычно возникают в подобных обстоятельствах. Несмотря на трудности, меня с самого начала сопровождала мысль, что все происходящее служит изменению моей личности. Кроме того, Бог никогда не лишал меня самого главного: истинной и глубокой компании моей жены, помощи и поддержки, в том числе и материальной, со стороны друзей. Но я пребывал в растерянности: прежняя моя жизнь (рабочая и публичная) больше не существовала, моя группа Братства распалась, некоторые важные аспекты предыдущих двадцати лет оказались под вопросом, а мой интерес к Движению свелся к минимуму. Все казалось мне сложным, малопонятным, далеким от меня. Потребность в ответе привела к действиям, которые не являются частью моей истории: я ездил в Меджугорье, молился как никогда в жизни, но в то же время в этом „новом начале“ я ощущал неполноту. Затем моя жена по причинам, связанным с работой, подружилась с одним человеком из Движения, которого мы знали почти только в лицо. Эта дружба была как трещинка в плотине, которая разрастается и ведет к крушению всего строения. Нечто новое стало прокладывать себе дорогу посредством плоти, а я не столько бросался вперед, сколько не противостоял. Не резко, а медленно, естественным, почти неощутимым образом, с осторожностью я оказался внутри изменения, заметил, что вновь захвачен. Когда же в свете печального

¹²² *Ivi*.

¹²³ J. Carrón. Carrón: da chi ha sbagliato un'umiliazione per Cl // *la Repubblica*. 1 maggio 2012. P. 1, 11.

обвинения Роберто Формигони вышел пресс-релиз Движения¹²⁴, я счел его прекрасным. Еще прекраснее для меня стала статья в *Avvenire*¹²⁵, в которой комментировался пресс-релиз. Я определил ее как бесконечно христианскую. Я вернулся домой, моя жена была занята, но мы обменялись приветствиями, и я тут же сказал ей, как прекрасны пресс-релиз и статья. Потом я сел за стол, и, пока я ужинал, жена послала мне сообщение – письмо Каррона, в котором словно объясняется и обосновывается пресс-релиз. „Это письмо прошло мимо меня“, – подумал я. Оно, на мой взгляд „вскрыло“ пресс-релиз, поскольку содержало больше аналитики и было более полным. Читаю его целиком и дохожу до конца: это не сегодняшнее письмо, оно датировано 1 мая 2012 года. Это то самое письмо, к которому почти семь лет назад я отнесся с презрением. Сейчас, когда я пишу эти строки и перечитываю твое письмо семилетней давности, мне хотелось бы привести здесь фразы из него, так хорошо меня описывающие, но выбрать невозможно, поскольку все твое письмо говорит об этих годах возрождения. В моем опыте твое письмо отвечает на вопрос: „Что выстоит под ударом времени?“»

Достаточно и трещинки в плотине, достаточно начать следовать.

Хочешь не потерять то, что нашел? Ты знаешь, где с тобой это случилось, а значит, и куда можно вернуться, поскольку там то, с чем ты встретился, ждет тебя. Победу одерживают не твои усилия, твои усилия ненадежны, как и мои, они не в состоянии сопротивляться, выдерживать во времени. Так не будем же тратить на них время. Хочешь устоять? Смотри, где ты замечаешь что-то стойкое. Если ты нашел нечто такое в Движении, в связанном с ним ином способе быть вместе, в том, как оно обновляет тебя, в убедительности, с которой оно позволяет тебе открывать для себя веру, тогда метод, обеспечивающий твою стойкость, – вовлеченность в жизнь Движения, в жизнь компании – знака Его присутствия для тебя. Верность нужно хранить Ему через верность этой компании.

Наша компания, говорил отец Джуссани в 1989 году (эти слова вы найдете в сборнике упражнений «Истина рождается от плоти») «имеет для каждого из нас важнейшую и непосредственную функцию. Господь велик, Он мог бы утвердить миллиарды других форм. И действительно, Церковь полна богатства разнообразных форм: нас поразила эта форма. Если бы она нас не поразила, не было бы необходимости в том, что есть между нами. Но Он достиг нас именно таким образом, и потому образ этот необходим, а оставить его, сломать его, забыть его, не пользоваться им – значит предать Бога.

¹²⁴ Formigoni. Nota di Comunione e Liberazione. Il comunicato dell'ufficio stampa di CL sulla condanna di Roberto Formigoni. 22 febbraio 2019. www.clonline.org.

¹²⁵ M. Leonardi. Ma non si è figli perché non si sbaglia // *Avvenire*. 26 febbraio 2019.

Нельзя сказать: „Ты, Господи пришел ко мне по этой дороге, а я пойду к Тебе по другой“. Нет! И поэтому для нас наша компания и дружба, сколь бы хрупкими они ни были, представляют собой путь к Нему. Боже мой, я хотел бы иметь возможность идти с каждым из вас, но я на это не способен, у меня даже нет ни сил, ни времени, чтобы ответить на все письма! Вы должны простить меня, потому что, клянусь вам, мое сердце не то, каким представляется. Давайте помогать друг другу: вот путь, на котором Господь призывает нас к Себе, к бдительности, путь столь нетвердый, путь, со многих точек зрения спорный, но он есть педагогический инструмент, способ воспитания, который Господь приготовил для тебя. А иначе, не будь я убежден в этом, думаете, я согласился бы быть здесь и говорить? Боже упаси, я бы подумал о себе самом и ушел бы молиться!»¹²⁶ Представьте, какую свободу ощутил я, который должен выступать со сцены перед вами, прочитав эти слова отца Джуссани!

5. «Культурный вес нашего изменения»

Когда человек живет призывом к памяти в месте, которое Христос избрал, чтобы привлечь его, он ощущает себя полным неукротимой энергии, позволяющей всегда начинать вновь. Так было с учениками. Я могу ошибиться тысячи и тысячи раз, но постоянно начинаю вновь и могу делиться с другими этой новизной, могу предлагать другим участвовать в нашей жизни. Часто мне будут отвечать нет, но я постоянно начинаю вновь, поскольку не завишу от реакции людей. «Эта неукротимость, простая, как когда узнаешь и обхватываешь руками или целуешь лицо собственной матери, означает, что ты действительно испытываешь в самом себе победу над временем, она во мне отзвук той победы над временем, которую являет Христос воскресший». Такая удивительная неукротимость есть присутствующий во мне и в тебе знак победы Христа над временем, Его воскресения – сейчас, не в последний день, а в истории, в сегодняшней суете. «И тогда человек рискует своими силами и делает предложение себе и другим. Почему? Потому что эта победа есть осуществление человечности»¹²⁷.

Одна из вас написала мне: «Около двух месяцев назад в школе, где я работаю почти два года, внезапно умер ученик. Боль и замешательство от этого события, породили неожиданные реакции и разговоры. В особенности с одним коллегой, с которым я сразу же ощутила глубокое единодушие, для меня случилась настоящая „встреча“. Предпосылка: он называет себя ате-

¹²⁶ L. Giussani. *La verità nasce dalla carne*. P. 239–240.

¹²⁷ L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. P. 70.

истом и испытывает отвращение ко всему, что связано с Церковью. В момент самой тяжелой скорби от потери нашего ученика он признался мне, что чувствует неудовлетворенность и уже давно пытается заглушить не оставляющее его беспокойство. Он добавил, что чувствует свою неадекватность перед просьбами о помощи, исходящими от наших ребят, и что для меня, напротив, это не так. Он даже сказал: „Тебе комфортно со всеми. Оказываясь перед другим человеком, ты принимаешь его до такой степени, что сама исчезаешь и другой встает в центр“. Затем он добавил: „Ты есть. Всегда. Но ты всегда и где-то еще“. В заключение он сказал, что видит меня „завершенной, полной“. Мы решили встретиться снова, чтобы пообщаться в спокойной обстановке, поскольку мой коллега хочет лучше понять, что значит для меня это „где-то еще“, которое он заметил».

Осуществление человечности. «Вот культурный вес нашего изменения»¹²⁸. Вот наш вклад в жизнь мира: в то время, как все больше людей выбиты из колеи и живут в хаосе (отчего Ульрих Бек, посвятивший всю жизнь изучению общества, заключает, что он больше не понимает мир¹²⁹), мы по благодати, которую получили и получаем каждодневно, не выбиты из колеи, как не были выбиты из колеи ученики посреди хаоса Римской империи. Вот культурный вес того, что мы несем в себе, культурное значение предложения, в свете которого мы подходим к истории и к всеобщему краху. Любые формы, державшиеся до сих пор, могут рухнуть, но наша победа не отождествляется с постоянством определенных форм и привязанности к ним. И потому мы в состоянии начинать вновь, как начали вновь первые христиане после падения Римской империи; пришли варвары, но христиане начали с начала, и притом с успехом. Хотя рухнуло все, они сами не потерпели крах, поскольку их основание было не в распадавшемся мире. Мы тоже переживаем переходный, трудный момент, и мы тоже можем бросать настоящей ситуации вызов с помощью нашего предложения, исполненного смысла.

«Опыт изменения состоит [зарождается, расцветает] в признании Христа». Мы веруем в присутствие Христа, меняющее нас, потому что «Он позволяет миру вновь стать истинным, побеждая зло, ибо зло есть не-человечность, не-истина», побеждая преходящее и недолговечное. Так мы начинаем участвовать в Его победе, получаем во сто крат уже в этом мире, приобщаемся к радости, миру, веселью, силам, которые заставляют нас в изумлении спрашивать: «Откуда у меня все это?» Мы должны как следует понять, откуда

¹²⁸ *Ivi.*

¹²⁹ «Мир утратил ориентиры. Многие так считают. Мы блуждаем бесцельно, в растерянности, обсуждая за и против тех или иных вещей. С одной фразой соглашается большинство людей на всех континентах, несмотря ни на какие неразрешимые противоречия: „Я больше не понимаю мир“» (U. Beck. *La metamorfosi del mondo*. Bari: Laterza, 2017. P. XIII).

о, а иначе зачем нам возвращаться сюда? Все это происходит от живого Христа. «Современность Христа истории есть обещание, касающееся настоящего, «во сто крат», переживаемое на опыте, хотя и всегда отличное от наших представлений о нем. «Сколько людей, – рассказывает Джуссани, – приходят ко мне и говорят: „Нет никакого *во сто крат*. Где оно, это *во сто крат*?“ Конечно, если ты думаешь о нем согласно твоим представлениям, тогда больше нет и новизны и ты вновь начинаешь рассуждать в рамках того, чего тебе не хватает. Искупление [же] есть стократное воздаяние, переживаемое на опыте, но оно всегда отлично от наших представлений о нем, всегда»¹³⁰.

Если я воображаю себе мое изменение, то думаю, например: «После всего услышанного в эти дни, я, вернувшись домой, уже больше не могу сердиться». А потом не проходит двадцати минут, и я сержусь, и одного этого достаточно, чтобы поставить под вопрос все пережитое здесь.

На самом же деле мое изменение проверяется временем, согласно мере, которая принадлежит не мне. Его реальность замечают даже другие люди. Чтобы оно достигло всех уголков жизни, как мы того желаем, нужно время. Но начало изменения есть, оно уже положено, это уже свершившийся факт, живое Присутствие, переживаемое на опыте сейчас. И мы надеемся, что оно распространится на всю нашу жизнь, чтобы все, к чему ни прикоснемся, могло облечься в новизну, достигшую каждого из нас.

В начале лекции мы оттолкнулись от констатации изменения и разными способами сказали: «„Необходимо искать то, что лежит под поверхностью, корень, причину того, благодаря чему наша компания, наша дружба дали такие результаты, как они дали, человеческие результаты“. Как бы то ни было, именно через приобщение к этому знаку, причастность к этому знаку мы непрестанно призваны признавать, жить памятью или постоянным признанием, признанием и памятью о том Присутствии, которое есть корень, исток того факта, что мы, чужие друг другу, являемся братьями и друзьями, того факта, что мы, бедные люди, ощущаем, как богатство странным образом – странным, потому что не вписывающимся в наши планы – начинает пламенеть в нас»¹³¹.

Закончу чтением следующего свидетельства. «Дорогой отец Каррон, в прошлом году, возвращаясь с упражнений Братства, я узнала, что беременна. Мы хотели еще одного ребенка, но были счастливы уже и первой дочерью, появившейся на свет после того, как врачи сказали нам, что нам вряд ли удастся завести детей естественным образом. И вот в мае прошлого года случилась вторая беременность. С самого начала нам было ясно: это ини-

¹³⁰ L. Giussani. *Qui e ora* (1984–1985). P. 70–71.

¹³¹ *Ibidem*. P. 71.

циатива Тайны по отношению к нам, и она глубоко изумила и тронула нас. Кроме того, все произошло в особенный момент: за месяц до этого мой муж потерял работу, и мы начали считаться с проблемой безработицы. На первом осмотре у врача все выглядело „идеально“, обследования дали наилучшие результаты, плод располагался правильно, и мы даже услышали сердцебиение. Казалось, все должно идти хорошо. Но в определенный момент я почувствовала, что что-то не в порядке. Мы с мужем отправились в отделение скорой помощи и узнали, что беременность прервалась несколько недель назад. В тот же день дома у меня случился выкидыш. В последующие дни многие люди старались утешить меня, произнося разные слова. Перед лицом происходящего я ощутила все мое бессилие в отношении моей собственной жизни и жизни моего ребенка. Я также осознала, что, если быть честной с самой собой, я столь же бессильна и в отношении моей дочери. Я могу заботиться о ней конкретным образом, но даже ей я не в состоянии дать дыхание. Что же наполняет смыслом каждое мгновение? Что выстоит под ударами времени? Только Присутствие, реальное и конкретное. Не идея, не логические выводы, а Присутствие, которое случилось, необратимый Факт, который никакие враждебные обстоятельства не способны отрицать или опровергнуть. Только Ты, Христе, единственный выдержишь удары жизни. Однако без нашей компании Христос остался бы для меня лишь именем, Он не стал бы уверенным Присутствием. И самое главное: это единственное место, позволяющее мне сохранять живыми мои вопросы, не замалчивающее и не ликвидирующее их с помощью подобающих случаю фраз, оно поддерживает их на той глубине, на какой они действительно интересны. В опыте выкидыша мне стало понятнее, что значит, что отношение с Тайной – личное отношение. Перед лицом произошедшего я ощутила как бы одиночество, очевидность того, что я не могу переложить ни на кого, даже на компанию, мой ответ Христу. Это я предстою перед Тайной, и в этом отношении я одинока. Однако именно проявившееся одиночество помогло мне увидеть ценность нашей компании для моего отношения со Христом. Задача друзей – не утешать меня и не потакать мне, они не в состоянии вернуть мне моего ребенка, она и не в том, чтобы быть вместе и таким образом избавиться от проблем или страха. Мне необходимо такое место, где меня поддерживают и возвращают в правильную позицию, где мне позволяют не утратить вопросы, спровоцированные реальностью. Эта история, лица, работа и действия на пути являются проводниками отношения с Ним, и благодаря им со временем Он стал мне близок. „Человек не перестает бояться только потому, что кто-то говорит ему: не бойся! Нужно, чтобы такое присутствие – присутствие Бога – вошло в самые недра его я, это должно быть присутствие, доказавшее в рамках определенной истории, что оно заслуживает доверия. Только пере-

житая история, продолжающаяся во времени, может заложить достаточное основание для доверия. Все, что Бог совершил и совершает, нужно, чтобы ты знал, что Он Господь и мог довериться Ему (*Вот Я делаю новое: неужели вы и этого не хотите знать?* Упражнения Братства, 2019. С. 26). Именно эта история сделала Бога присутствием, заслуживающим доверия, на которое я могу положиться, которое бросает вызов времени и выдерживает его удар. Чтобы Он ни делал».

В качестве завершения послушаем песнопение *Cristo al morir tendea*, потому что оно представляет собой диалог с этим Присутствием, определяющим жизнь. Слушая, каждый пусть задаст себе вопрос: «Оставьте ли вы Его ради другой любви?»

*Cristo al morir tendea.*¹³²

¹³² Christo al morir tendea / Et a più cari suoi Maria dicea: / Hor, se per trarvi al ciel dà l'alma e 'l core, / Lasciaretelo voi per altro amore? / Ben sa che fuggirete / Di gran timor' e alfin vi nascondrete: / Et ei, pur come Agnel che tace e more, / Svenerassi per voi d' immenso ardore. / Dunque, o dilette miei, / S' a dura croce, in man d' iniqui e rei, / Dà per salvarvi 'l sangue (e) l'alma e 'l core, / Lasciaretelo voi per altro amore? – Христос шел на смерть, и Мария говорила своим самым близким: «Если Он, чтобы привести вас на небо, отдает душу и тело, разве оставите вы Его ради другой любви? Он прекрасно знает, что вы в страхе убежите и в конце концов спрячетесь. Но Он, как агнец, молчит и умирает, полностью истощает Себя огромной любовью ради вас. Возлюбленные мои, если Он, чтобы спасти вас, на тяжком кресте отдает кровь, душу и сердце в руки злодеев и преступников, разве оставите вы Его ради другой любви?» (Фра Марк Антонио да Сан-Джермано).

Воскресенье, 14 апреля, утро

На входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт. Сонаты для скрипки и фортепиано К 304, 376, 378, 301

Клара Хаскил – фортепиано, Артур Грюмье – скрипка

«Spirto Gentil» n. 46, Philips

Ангел Господень

Утренняя

■ СОБРАНИЕ

Давиде Проспери. И в этом году нам поступило огромное количество вопросов (больше тысячи трехсот), которые вместе с двумя тысячами писем, полученных нами до упражнений в ответ на вызов Каррона, составляют неплохую цифру. Это наряду с другими факторами говорит нам о том, что упражнения – не просто мероприятие, на котором мы числимся, мы в нем по-настоящему участвуем, и, более того, каждый своим присутствием вносит вклад в его созидание. И еще на упражнениях становится ясно, в чем суть этого «жеста». Слово «жест» происходит от латинского *gerere*, то есть «нести», и означает факт, несущий в себе смысл. И мы здесь, чтобы открывать этот смысл, что существенно важно для нашего воспитания как взрослых людей, потому что взрослый человек (чем дальше, тем больше мы это осознаем) как никогда нуждается – не меньше, а может, и больше, нежели молодежь, – в воспитании, чтобы открывать самого себя, открывать собственное человеческое лицо. А значит, упражнения как таковые задействуют целиком и полностью нашу человечность. Как раз это ясно отражалось в посланных вами вопросах, поскольку помимо того, что вы понимаете слова, сказанные Хулианом, вы еще и чистосердечно пытаетесь проверять опыт каждодневной жизни, вызовов, которые мы призваны переживать.

Нас здесь двадцать две тысячи, и мы часть уверенной компании. Но, должен сказать, уже с первого вечера молчание, которое все мы могли испытать, это поразительное с определенной точки зрения молчание (ведь нас так много), которое, по моим воспоминаниям, в этот раз было интенсивнее, чем в другие разы, есть знак того, что каждый из нас, составляющих эту уверенную компанию, находится здесь для себя, поскольку признает свое конечное одиночество, благое одиночество перед лицом Тайны.

И так мы подступаемся к первому вопросу.

«Услышав последнее свидетельство второй лекции, я спрашиваю себя: что значит быть в одиночестве перед Тайной, при всем при том нуждаясь в месте (в общине)? И как углублять отношение со Христом в ситуации одиночества, то есть когда у тебя нет возможности видиться с людьми, которые являются для тебя знаком Христовой победы? Мне до конца не ясно: углубление отношений с Тайной – это вопрос пребывания в живой компании людей или же проблема решается на личном уровне?»

Хулиан Каррон. В первую очередь, на мой взгляд, необходимо понять природу одиночества. Когда много лет назад, я, живя в Испании, впервые прочитал «Пути христианского опыта», меня сразу же поразило то, как отец Джуссани рассматривает проблему одиночества: «Чем больше мы обнаруживаем наши потребности, тем яснее замечаем, что не можем разрешить их в одиночку, не могут разрешить их и другие, люди, подобные нам. <...> Именно это чувство бессилия порождает *одиночество*. [Следовательно] подлинное одиночество не заключается [как мы часто думаем] в одиночестве физическом, оно в открытии того, что наша основополагающая проблема не находит разрешения в нас или в других». Об этом говорилось во вчерашнем свидетельстве: никто не способен вернуть женщине ребенка, которого она потеряла. Значит, «можно с уверенностью сказать, что чувство одиночества рождается в сердцевине любого серьезного отношения к собственной человечности. Все это хорошо поймет тот, кто поверил, будто нашел удовлетворение какой-то большой нужды в чем-то или в ком-то, а потом что-то или кто-то исчезает, уходит или оказывается недейственным». Вот почему часто, возлагая подобные надежды на что-то или на кого-то, мы остаемся разочарованными. «Мы одиноки, – продолжает Джуссани, – в наших нуждах, в нашей потребности быть и жить интенсивно. Как одинокий человек в пустыне: единственное, что ему по силам – ждать, пока придет кто-нибудь. И уж конечно, решение найдет не человек, ведь разрешать нужно именно человеческие потребности»¹³³.

Только такое сознание позволяет нам понять природу нашего одиночества. Если мы сводим одиночество лишь к физическому уединению, у нас появляется множество возможных решений. Однако, если подлинное одиночество возникает из-за нашего бессилия перед собственными важнейшими нуждами, перед нашей потребностью быть и достичь свершения, которую мы зачастую не осознаем, тогда вопрос в том, что же в состоянии победить одиночество. Сами по себе и даже вместе мы не способны ответить на нашу глубинную потребность в бытии.

¹³³ L. Giussani. *Il cammino al vero è un'esperienza*. P. 85–86.

Блудный сын полагал, будто знает себя и природу своих потребностей и, следовательно, думал разрешить свои проблемы, уйдя из дома с полагающейся ему частью наследства. Но самоуверенность, заставлявшая его считать, что он справится собственными силами, очень скоро обнаруживает свою ложность, и тогда блудный сын осознает, что нуждается в чем-то другом, чего он сам себе дать не может. Только по-настоящему понимая, кем мы являемся, отдавая себе отчет в важности наших нужд, мы можем осознать, что не в состоянии на них ответить. Вот почему меня всегда поражала (я неоднократно это повторял) знаменитая фраза Честертона: «Беда не в том, что наши мудрецы не могут найти разгадку; беда в том, что они не видят самой загадки»¹³⁴, не понимают проблему, не разумеют, о чем идет речь. Так в нас рождается самоуверенная мысль, будто мы справимся самостоятельно. Когда же человек понимает, где истоки его одиночества, а значит, осознает свое бессилие, он понимает, что эту проблему в состоянии разрешить лишь другой, отличный от нас, тот, кто больше нас, кто соразмерен нашей человеческой нужде. Ради этого и пришел Христос! Он единственный может победить наше бессилие.

Остается непроясненной вторая часть вопроса, касающаяся связи между пребыванием в живой компании и личным отношением с тайной. Тут крайне важно заметить, как Сам Христос осознает Себя: Он воспринимает Себя в отношении с Отцом, пославшим Его («Верующий в Меня, не в Меня верит, а в пославшего Меня»¹³⁵). Его миссия состоит в том, чтобы ввести человека, то есть каждого из нас, в окончательное отношение с тайной Бога, Отца, Которым все держится, от Которого в это мгновение зависит моя жизнь. Если Христос и пытается притянуть нас к Себе, привлечь нас к Себе, то ради одной лишь цели: чтобы ввести нас в отношение с Отцом («Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира»¹³⁶). Такое указывание на Другого характерно и для Церкви – для нас с вами, собранных здесь, тех, кого Христос достиг во встрече: «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас»¹³⁷. Отец Джуссани свидетельствовал нам об этом всей своей жизнью. Кардинал Ратцингер, служа по нему похоронную мессу, подчеркнул: «Ведя людей не к себе, а ко Христу, он завоевывал сердца, помогал делать мир лучше, открывать двери мира для Неба»¹³⁸. Отец Джуссани не привязывал нас к себе, а направлял нас ко Христу.

¹³⁴ Ср. Г. К. Честертон. *Ортодоксия*. Гл. III. Пер. Л. Б. Сумм.

¹³⁵ *Ин.* 12:44.

¹³⁶ *Ин.* 17:6.

¹³⁷ *Ин.* 20:21.

¹³⁸ Й. Ратцингер. *Проповедь на похоронах отца Джуссани*. Милан, 24 февраля 2005 г. См.: A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Rizzoli, 2013. P. 1189.

Да, он всегда предлагал нам определенное место, причастность к определенному месту (к нашей компании, к Церкви), но с той целью, ради которой оно существует: чтобы Христос становился опытом, чтобы ввести нас в личное отношение со Христом и через Него – к осознанной зависимости от Отца. Даже когда атеист, встречает кого-то из нас, эта встреча отправляет его к «куда-то еще», как говорилось в процитированном вчера письме нашей подруги. Встреча отправляет его к чему-то другому, превосходящему нас, тому, что лежит в глубине видимых вещей. Если нам и предлагают быть причастными к определенному месту, так это для того, чтобы войти в отношение с Тем, Кто его порождает и Кто только и может ответить на нужду нашей жизни. Однако, если мы «не видим загадку», если в нас не живо сознание о наших потребностях, мы не в состоянии даже признать Христа и не понимаем странную природу нашей компании. Вот почему нас так часто постигает разочарование.

Проспери. Один из пунктов, вызвавших большое число вопросов, – момент, когда ты, пересказывая эпизод с Безыменным Мандзони, спросил, кто для нас наш кардинал, потому что так поднимается проблема авторитета в нашей жизни. На основании многочисленных писем сформулирую вопрос.

«Поясни, почему авторитет – это тот способ, с помощью которого Тайна достигает нас? Что и кто представляет собой авторитет для Движения сегодня?»

Каррон. Когда я задумываюсь над этим вопросом, мне всегда в голову приходит другой отрывок из текста «Пути христианского опыта», в котором отец Джуссани подводит нас к пониманию природы авторитета и его истоков. Начинать всегда нужно именно с этого.

Разобравшись в природе одиночества, состоящей в нашем бессилии, и рассмотрев тему общины, он сосредотачивает свое внимание на авторитете. И как он его описывает? «В среде, в которой мы находимся [в общине, частью которой мы являемся, сознавая наше бессилие] фактически существуют люди, обладающие большей чуткостью в отношении человеческого опыта, они фактически достигают большего понимания среды и людей, они фактически с большей легкостью приводят в движение общину, они переживают наш опыт интенсивнее, с большим усердием, каждый из нас чувствует, что они лучше выражают его, с ними куда охотнее можешь пребывать бок о бок с другими, в общине. Признавать этот феномен – значит быть честными с самими собой и со своей человечностью; так должна поступать мудрость. Но встреча с тем, кто лучше меня ощущает и понимает

мой опыт, мое страдание, мою нужду, мое ожидание, естественным образом ведет меня к *следованию* за таким человеком, делает меня его *учеником* благодаря той человечности, которая, когда мы открываем собственное бессилие и одиночество, подталкивает нас к единению. В этом смысле подобные люди, разумеется, представляют для нас *авторитет*, даже если они не наделены какими-то особыми правами, ролью или титулом»¹³⁹. Вопрос в первую очередь не в роли, к которой мы зачастую сводим проблему авторитета. Вопрос в признании тех, кто облегчает мой рост, переживание человеческого опыта с большей полнотой, как я того желаю.

Поэтому «авторитетом, прежде всего становится, конечно же, тот, кто вернее понимает или переживает человеческий опыт. Авторитет возникает как богатство опыта, внушительно предстающее перед другими людьми». Человек обретает авторитет в силу очевидности того, что он несет в себе. «Он вызывает новизну, изумление, уважение. В нем есть неизбежная притягательность», как это было с Иисусом: «Вот Он действительно авторитет, не то что книжники»¹⁴⁰. Таков естественный способ возникновения авторитета, именно так он всегда будет возникать. И потому признать его просто.

Каждый из нас призван к честности по отношению к тому, что выявляется в его опыте. Если человек следует подсказкам, которые замечает в опыте, он без проблем определит авторитет, ему не составит никакого труда понять, кто его кардинал, поскольку это очевидно. Такой процесс прямо пропорционален природе нашей нужды. Чем сильнее человек нуждается, чем яснее для него важность его нужды, тем проще ему распознать авторитет. Распознавание авторитета тесно связано с опытом собственного бессилия. Действительно, если человек не самонадеян, если он отдает себе отчет в своем бессилии, если признает свою нужду, ему легче прилипнуть к тому, что наиболее убедительным образом свидетельствует ему о существовании ответа и помогает ему этим ответом жить.

Напротив, если мы полагаем, что справимся сами, то, даже появившись перед нами ответ во всей его возможной и воображимой несомненности, мы не признаем его. Так случилось с людьми, которые столкнулись с Иисусом и не признали Его. Почему? Потому что Иисус пришел к нищим, к больным, к тем, кто честно смотрит на свои раны, на свою врожденную неспособность найти решение самостоятельно. Стоит им только увидеть Его, и они прилепляются к Нему из простоты, из любви к самим себе, а не ради соблюдения каких-то правил, прилепляются, потому что не хотят потерять жизнь, живя.

¹³⁹ L. Giussani. *Il cammino al vero è un'esperienza*. P. 87–88.

¹⁴⁰ *Ibidem*. P. 88.

Отец Джуссани помогал нам постигать вещи по мере их возникновения: так все становится гораздо проще. И правда, если мы наблюдаем, как события происходят в опыте, все упрощается.

Во время собрания на упражнениях Братства в Испании возник аналогичный вопрос об авторитете:

«Опыт соответствия, рождающийся от произошедшей со мной встречи, связывает меня с истоком, с исторической реальностью Движения и с тем, кто руководит им, поскольку изначально эти элементы едины. Когда я был студентом, такое единство присутствовало в моем опыте. Я сознаю, что единственный способ и дальше переживать опыт соответствия – в том, чтобы держаться места, где мне явился Христос. В самом деле, после двадцати пяти лет, проведенных в Движении, я замечаю: когда отхожу от опыта соответствия, когда отхожу от моей подлинной нужды, от неотложных потребностей моей человечности, от моих ран, община и авторитет превращаются в нечто такое, что уже больше не является неотъемлемой частью меня. Напротив, в опыте встрече община и авторитет от меня неотъемлемы. Порой я жил в Движении так, словно мог жить в нем или не жить, следовать за ним или не следовать, с позиции „мне нравится“ или „мне не нравится“ (в современном мире, учитывая, что все мы дети Инстаграма, „мне нравится“ и „мне не нравится“ – критерии суждения). Часто я могу быть в „Общине и освобождении“ и испытывать определенный скептицизм, даже идя за Движением, я могу стать скептиком. Я осознаю, что проблема заключается в суждении о соответствии, в том, чтобы следовать за соответствием, о котором вынесено суждение (за соответствием изначальным и нынешним). Я вижу это во многих сферах, где есть Движение, в студентах и во взрослых людях. Можно состоять в Движении и быть отделенным от образующего фактора, в котором все находится в единстве. В опыте встречи соответствие, община и авторитет едины. Прошу тебя помочь нам лучше понять этот вопрос».

Каррон. Мне кажется, то, что ты сказал, помогает нам ясно понять, какой тип опыта переживает каждый из нас. Очевидно, что, когда недостает одного из этих элементов, опыт становится совершенно другим. Порой мы разрешаем эту проблему абстрактным образом, не основываясь, как ты прекрасно объяснил, на единстве опыта. И потому думаем, будто авторитет – есть некий сторонний довесок к нашему опыту. Почему? Потому что, как я упоминал, не все христианские опыты одинаковы. В книге «Зачем Церковь»¹⁴¹ отец Джуссани описывает три подхода к христианскому факту,

¹⁴¹ См. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 15–33.

три метода достижения сегодня уверенности во Христе, имеющие разные последствия: рационалистский, протестантский и православно-католический. Согласно первому, Иисус – всего лишь факт из прошлого, соизмеримый с другими, к которому применимы категории «исторического разума». Такой метод редуцирует содержание христианской вести (Бог стал присутствием в истории) еще до того, как принять ее в расчет. Второй признает содержание великой вести, но ограничивает его рамками определенного момента: Бог стал присутствием для человечества лишь в одной точке – во Христе. Как же тогда сегодняшнему человеку достичь уверенности в этом присутствии? Исключительно через внутренний опыт, озарение Духа. Этот подход, пусть он и является глубоко религиозным, не учитывает все составляющие христианской вести. Третий же метод остается последовательным в отношении устройства христианского события, как оно изначально нам предстало: Бог во Христе стал в полной мере человеческим присутствием и продолжает им быть в истории посредством Церкви, компании людей, верующих в Него. Встреча с Его присутствием сегодня, встреча, в которой сходятся внешний и внутренний аспекты, есть метод, позволяющий достичь уверенности в Нем.

Первые два метода, хотя они и содержат долю истины, ведут к абсолютно другому опыту, нежели третий метод. Опыт человека, для которого христианство не является событием настоящего и у которого нет объективного ориентира, заданного авторитетом (как в протестантизме), – это опыт совершенно другого типа в сравнении с католическим опытом. Однако необходимо, чтобы мы увидели разницу в нашем личном опыте общины, компании, которую кто-то направляет, а иначе авторитет всегда будет для нас чем-то внешним по отношению к нашей вере, и в результате христианство окажется во власти субъективизма, то есть наших интерпретаций. Месяц назад одна девушка попросила меня объяснить смысл авторитета папы. Я ответил ей: «Если ты десять минут общаешься с человеком, то по его словам о Церкви можешь понять, присутствует ли в его опыте авторитет папы. Тебе не нужно идти к папе, чтобы проверить, совпадает ли сказанное этим человеком с папской мыслью». Нам достаточно десяти минут, чтобы понять, есть ли в человеке связь с авторитетом папы. Стоит ему начать говорить, и мы осознаем, есть ли в его опыте отношение с авторитетом или же авторитет для него – нечто стороннее, добавленное извне его опыта. То же самое происходит и в жизни Движения. Как говорит отец Джуссани в первой главе текста «Пути христианского опыта»¹⁴², автори-

¹⁴² Cf. L. Giussani. *Tracce d'esperienza cristiana // Il cammino al vero è un'esperienza*. P. 87–88.

тет – неотъемлемая часть человеческого опыта¹⁴³. Но как человеку понять, что это действительно благо для него? По опыту, который он переживает. Мы несем на наших лицах печать нашего опыта. «Дерево познается по плоду»¹⁴⁴, то есть по опыту соответствия, который переживает человек, становится понятно, что его истоки истинны. Это абсолютно безошибочный метод, поскольку лишь определенные деревья приносят определенные плоды. Другое дерево не в состоянии дать такие же плоды. Самим образом жизни я свидетельствую о типе опыта, который переживаю в христианской общине. Отец Джуссани замечает, что не существует христианской харизмы, не соотносящейся в конечном итоге с авторитетом. И речь не просто о некоей богословской проблеме, а о чем-то идущем к самой сердцевине нашего христианского опыта. И потому каждый из нас тем, как он живет, поет перед всеми свою «Травиату».

Проспери. Следующие два вопроса связаны между собой.

«Что значит, что опыт предполагает разумение смысла вещей и что мы не постигаем реальность, если не утверждаем ее смысл?»

«Ты сказал, что с нами могут случиться невероятные факты, но мы ничему не учимся, и что, чтобы уловить важность происходящего в жизни, необходимо следовать за усилением «познавательной способности разума», которое сами факты и производят. Объясни подробнее эту мысль».

Каррон. Свяжем все вопросы воедино. Почему я замечаю, что определенное присутствие играет решающую роль для моей жизни? Потому что оно, как ничто другое, соответствует моей человеческой нужде. Но для этого необходимо соотносить реальность и мои потребности, а значит, разум должен вынести суждение: «Наконец-то что-то отвечает моим поискам». Чтобы получить такой опыт, недостаточно одного лишь столкновения с ним, вызывающего во мне реакцию: необходимо уловить его значение, его смысл, его связь со мной. Опыт не сводится к сентиментальному впечатлению от вещей, он предполагает открытие их смысла, а иначе рано или поздно я все растеряю. И поэтому нужно, чтобы я понимал важность встреченного присутствия, замечал связь между этим присутствием и моей нуждой, а также мой рост по мере отношения с ним. Вот что значит получать опыт. Если я не сознаю, как все происходящее со мной касается моих

¹⁴³ То же верно и в сфере христианского опыта: «Нет ни одной разновидности христианского опыта, сколь бы внутренним он ни был, которая не предполагает хотя бы под конец встречу с общиной и соотносённость с авторитетом». См. сн. 35.

¹⁴⁴ Мф. 12:33.

потребностей, то события, даже самые ошеломительные, вроде фактов, о которых мы часто друг другу рассказываем, превращаются лишь в бессмысленные осколки, поскольку мы не воспринимаем их в связи с нашими потребностями. Так, не уловив значение встречи, мы спустя какое-то время уходим.

Джуссани начал всё, только чтобы «показать, что вера напрямую касается потребностей жизни»¹⁴⁵, что мы можем понять – понять! – связь события Христа, связь того, что нам предлагает Христос, того, что нам предлагает Движение, с нашим желанием. Но если человек этого не понимает, все превращается в морализм, в то, что я должен делать. Я соглашаюсь на предлагаемое мне уже не потому, что в этом нуждаюсь, не потому что вижу, как это касается моих нужд, не потому, что это величайшая вещь, какая только могла со мной произойти. Если я не испытываю благодарность за случившееся со мной, христианство превращается в сплошные сложности, в невыносимый груз! Напротив, чем больше человек понимает его важность, тем сильнее привязывается, прилепляется (Джуссани, описывая отношения учеников с Иисусом, говорил о «пригоршнях клея»), тем он благодарнее: «Слава Богу, есть Ты, Христе. Слава Богу, а иначе я остался бы один на один с моим ничтожеством».

Меня поражает, что часто мы не внимательны к исключительным событиям, происходящим между нами (о них свидетельствовали письма, которые я цитировал). Как мы читали на школе общины, можно пройти мимо святости, мимо многочисленных плодов жизни в лоне Церкви и не увидеть их, а значит, не понять их важности.

Напротив (и тут мы добрались до второго вопроса), когда человек оказывается перед чем-то, что, на его взгляд, в отличие от всего остального является для него определяющим, исполненным обещания, касающегося его жизни, что тогда? Факты вызывают у него глубочайшее изумление, которое распаивает в нем способность видеть, понимать. Поэтому Джуссани говорит: «Сам жест Бога, являющего Себя человеку», идущего навстречу нашему бессилию, расширяет «усиливает познавательные возможности разума, настраивая пронизательность взгляда на исключительную реальность»¹⁴⁶, перед которой Он ставит нас. Как когда человек влюбляется, встречает присутствие, которое притягивает его и позволяет ему быть все в большей мере самим собой. Это событие распаивает его взгляд, его способность познавать все и в первую очередь того, кто находится перед ним, ценность другого человека для его жизни. Все мы знаем, насколько

¹⁴⁵ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 24.

¹⁴⁶ Ср. Там же. С. 134.

это важно: если мы не улавливаем, какое значение для нашей жизни имеет человек, к которому мы привязываемся, то, даже стой он постоянно прямо перед нами, его как будто и нет вовсе.

Если так происходит в опыте любви, представьте какую глубину все это обретает в опыте встречи со Христом, по сравнению с которым влюбленность – лишь блеклое отражение. Что произошло и происходит? Мы слышали в свидетельствах: «Хотя многое и позабылось, я не забыла о том взгляде, которым на меня посмотрели». С того момента наша подруга уже не могла видеть саму себя в прежнем свете, изменилось ее восприятие вещей. Во встрече со Христом, происходящей посредством определенных людей, которыми Он пользуется, чтобы покорить нас, есть очевидность, увлекающая нас за собой, заставляющая прилепиться к ней, расширяющая наш разум, распахивающая нас и позволяющая понять, признать произошедшее с нами: не через силу, как когда с помощью рожка пытаешься втиснуть ногу в слишком маленькую туфлю, и не путем логических заключений, которые уже никого не трогают. Нужно лишь следовать за действием Его присутствия в нас. «Признание присутствия Христова наступает потому, что Христос „побеждает“ человека», побеждает меня с помощью Своей инициативы, Своей благодати, достигая меня в не знающей себе равных человеческой встрече. Джуссани заключает: «Как Христос дает мне Себя в событии настоящего, точно так же Он оживляет во мне способность достигать Его и признавать Его в Его исключительности. Таким образом моя свобода принимает это событие, соглашается признать его»¹⁴⁷.

Проспери. «Ты сказал, цитируя Ратцингера, что „возможность видеть Бога зависит от очищения сердца“, от нищеты духа. В чем состоит это очищение? Ты также говорил о необходимости осознать связь между познанием и нищетой и о том, что единственная нравственность есть нищета духа в признании. Можешь еще раз коснуться этой связи между нищетой и познанием?»

Каррон. Ратцингер замечает, что отцы Церкви постоянно подчеркивали связь между познанием и нищетой, о чем, собственно, все время повторяет и Евангелие: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. <...> Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»¹⁴⁸. Евангелие не ставит иных условий для познания, для признания Бога, кроме такой нищеты. И поэтому я так настаивал на вопросе бессилия. Мы сотворены для столь

¹⁴⁷ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. P. 30–31.

¹⁴⁸ Мф. 5:3–8.

безграничной судьбы («Ты создал нас для Себя, Боже»¹⁴⁹, – говорит Августин), что сами не в состоянии достичь ее, нам не по силам дать ответ на всю потребность в полноте, которая составляет нас. Поэтому-то и пришел Христос. Он пришел, ибо без Него мы ничего не можем, буквально ничего, чтобы утолить нашу жажду счастья, судьбы. Бессмысленно злиться на реальность, на жену, на мужа, на работу, на обстоятельства, ничто не может надлежащим образом ответить на нашу потребность в счастье: «Все бесконечно мало по сравнению с необъятностью собственной души»¹⁵⁰, – писал Леопарди. И потому бесполезно злиться на жизнь. Единственное, что мы можем делать, – ждать, когда придет Тот, Кто несет ответ. Наряду с признанием собственного структурного бессилия и пониманием того, что ответ исходит лишь от Другого, требуется простота сердца, позволяющая узнать Его и прилепиться к Нему. «Кто не примет Царствия Божия, как дитя, не войдет в него»¹⁵¹, потеряет его.

Итак, единственное, что мы в состоянии сделать перед несравненным даром Его присутствия, – принять его. Чем больше мы узнаем, кто такой Христос и каким даром Он для нас является, тем яснее понимаем, что первая, изначальная наша активность перед Ним, перед Бытием, которое стало нашим другом в истории, есть пассивность¹⁵². Она состоит в принятии, и в простосердечном признании Того, Кто приходит, постоянно приходит, чтобы нас спасать. Часто я встречаю людей, которые переживают опыт Движения с обезоруживающей простотой, оставляющей меня без слов. И мне хотелось бы, чтобы все могли их видеть. Проблема жизни не в уме, она в простоте сердца, позволяющей нам сознавать, что с нами произошло. Нужно все больше становиться как дети. Быть как дети – не инфантилизм, как нам нередко кажется. В маленьком ребенке все еще спонтанно, но его «детскость» пока не осмыслена. Стать как дети, будучи уже взрослыми, – вот великая задача! Для нас это почти наивность, почти противоречие – взрослый человек, уподобившийся ребенку. На самом же деле именно в этом истинная мудрость, единственная мудрость Евангелия, которой мы должны научиться, если не хотим упустить лучшее.

Своей земной жизнью Иисус свидетельствовал нам, как взрослый может оставаться ребенком: «Я всегда творю то, что угодно Отцу»¹⁵³. О том же до конца жизни свидетельствовал и Джуссани: он изумлялся всему,

¹⁴⁹ Аврелий Августин. *Исповедь*. I, 1, 1.

¹⁵⁰ Дж. Леопарди. *Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли*. М.: Республика, 2000. С. 364.

¹⁵¹ Мк. 10:15.

¹⁵² Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 118.

¹⁵³ Ин. 8:29.

любая вещь приводила его в восторг, его глаза по-детски горели. Без такой простоты сердца мы теряем жизнь. Мы призваны овладеть тем, ради чего Тайна нас создала. Однако то, чем Он желает нас одарить, – Его присутствие – настолько несоразмерно нашим способностям и силам, что мы можем лишь с готовностью, подобно детям, принять его, признать, обнять. И тогда все становится простым.

Проспери. То, что ты сейчас говорил о мудрости, о разумности ребенка, верно и для привязанности: действительно, уверенность ребенка в отношении с отцом, с матерью, когда это отношение прозрачно, есть та уверенность, какой взрослому человеку часто не удастся достичь в отношении с реальностью. Взрослый человек склонен сводить свой опыт к психологическим аспектам, к тому, как он ощущает вещи, исходя из самого себя. В определенный момент ты затронул изменение. В связи с этим вопрос.

«Поясни, что значит, что необходимо преодолеть психологическое представление об изменении и наши попытки измерить его?»

Следующий вопрос добавляет еще одну мысль.

«Ты говорил о верности как о том, благодаря чему происходит изменение, подчеркивая, что ее нельзя сводить к этике, к вопросу способностей и что она предполагает мое участие, мою инициативу, мою свободу. Каким образом верность не противоречит моей инициативе и не оказывается в конце концов усилением этического характера?»

Каррон. Начнем со второго вопроса и с простейшего примера – с влюбленности. Влюбленность не может быть результатом этических усилий (если бы достаточно было желать влюбиться, выстроилась бы очередь из всех тех, кто разыскивает человека, который ответит на их желание быть любимыми). Мы не в состоянии породить влюбленность. Но когда она случается, мы должны принять ее, должна подключиться наша свобода. Верность есть вовлеченность нашей свободы в свершившийся факт, и не мы производим ее, она постоянно побуждается и поддерживается повторным свершением того же самого факта, то есть современностью Христа, о которой я говорил вчера вечером.

Перейдем к первому вопросу, тесно связанному с тем, о чем я только что сказал. Вчера я подчеркнул, что изменение нельзя сводить к психологическим аспектам, к тому, что я могу измерить моим мерилom: я был вспыльчивым, да и сейчас такой же; я думал вернуться домой после упражнений другим, но по-прежнему злюсь: скверный у меня характер. В результате я думаю, что из пережитого не остается ничего. Подобные представления об изменении нас останавливают. Всегда есть искушение связывать его с уси-

лением наших способностей, с улучшением выдаваемых нами результатов. Именно этого многие и пытаются достичь путем тренировок.

Нет, не в этом изменение, о котором мы говорим и в котором мы нуждаемся. Подлинное изменение заключается в признании Того, Кто отвечает на наше бессилие. Как не способен я сам дать ответ, так не могу произвести и собственное изменение. Нужно всего лишь открыться инициативе, которую Христос предпринимает в отношении моей жизни. Вот оно, настоящее изменение: переживать все, храня во взгляде Его присутствие, с сознанием о Его верной компании: «А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, предавшего Себя за меня»¹⁵⁴. Изменение есть переход от моей самонадеянности к признанию Его присутствия.

Так в нашей жизни появляется нечто новое, нечто инаковое, что замечают и другие и что не совпадает с нашими мыслями, не сводится к безощибочности, к отсутствию недостатков, к нашему превосходству, к результату наших способностей, а представляет собой отзвук признания Того, Кто отвечает на наше бессилие, отзвук уверенности в Его присутствии, постепенно достигающей самого нашего нутра. Это как бы привкус радости, плодотворности, положительности, медленно проникающий во все, что мы делаем, хотя мы и остаемся такими же немощными.

Отец Джуссани говорил предельно ясно: изменение есть признание живого присутствия, идущего нам навстречу, а вовсе не то, что я могу измерить. Все остальное вытекает отсюда. Возможно, в один прекрасный момент случится и то, чего желаешь ты, и, например, изменится твой характер. Но необязательно. В любом случае не ты устанавливаешь сроки и придумываешь замысел. Именно это из-за нашего нетерпения часто сводит нас с ума, ведь мы хотим меняться, как сами себе представляем, за то время, которое сами на это отводим, вместо того чтобы просто быть благодарными, потому что есть Он. Он освобождает нас от нашей меры. Как это происходит для ребенка: есть папа, есть мама, и не нужно ничего измерять. Изменение наступит согласно замыслу, который принадлежит не мне.

Проспери. Следующий вопрос личный, мы выбрали его, поскольку в той или иной мере он касается всех нас.

«Я в моей семье переживаю ту же драму, что и отец из притчи о блудном сыне. Как удалось ему отпустить сына и не поддаться искушению отправиться за ним, забрать его от блудниц и привести обратно домой? Где он взял силы, чтобы действительно оставить сыну свободу не возвращаться, а потому, возможно, никогда больше его не увидеть? Меня волнует позиция

¹⁵⁴ Гал. 2:20.

не столько сына, сколько отца. Как смог он столь свободно ждать сына, без злобы (а иначе он не устроил бы праздник по его возвращении)? Чем он жил в этом ожидании? Мне кажется, у меня не получается жить с такой огромной нехваткой.

Каррон. Вот наша проблема: у нас не получается, и потому мы никогда не ведем себя, как отец блудного сына. Почему же получается у Бога? Причина укоренена в полноте божественной жизни, в свободной и взаимной любви между Отцом, Сыном и Святым Духом. Именно для участия в такой преизобильной полноте Бог творит существо, человеческое «я», творит по Своему образу и подобию, то есть свободным, и в нем как раз в силу его свободы изначально отражается единая и троичная тайна Бытия. Бог оставляет его свободным именно из-за Своей бесконечной любви, какой один только Бог и в состоянии любить. Следовательно, притча о блудном сыне описывает подлинную природу Бога: отец настолько любит сына, что оставляет ему его свободу, ибо знает, что в противном случае сын стал бы рабом в собственном доме.

У отца Джуссани есть по-настоящему поразительные фразы на этот счет, и, возможно, их стоит читать всем вам, переживающим по поводу свободы детей: «Пожалуй, самая большая жертва для родителей, самая большая после той, когда они видят смерть своего ребенка, – это наблюдать, как он, воспитанный в любви, он, кому дано все, что только можно было дать, принимает решения, избирает пути и выносит суждения отличные от тех, которые считаются правильными. Нет чувства ужаснее перед лицом наших детей в школе. Но для отца и матери это в сто тысяч раз яснее». Как бы то ни было, есть тут возможное искушение, которое отец Джуссани хочет обличить: «Власть над душами: обладание ими ради их же блага, лишение их свободы ради гарантии их счастья» – все, разумеется, во благо детям! Христианская перспектива весьма отличается: «Христос умер, чтобы оставить нам нашу свободу!» Джуссани продолжает: «Чем сильнее мы желаем свободы наших учеников [или наших детей], то есть чтобы они достигли своей судьбы, тем больше и чудеснее углубляется уважение к их решениям, уважение к их действиям. Счастье для них невозможно, если оно выбрано не ими, если судьба ими не признана и не принята»¹⁵⁵.

Вот почему свобода играет решающую роль не только в последовательном пути к судьбе, но и в открытии судьбы. «Конечно, – заключает Джуссани, – ...мы бы предпочли взять их за горло и повести туда, куда они должны идти. Мы бы предпочли противиться их свободе, свободе выбора» из-за

¹⁵⁵ L. Giussani. *Realtà e giovinezza. La sfida*. Milano: Bur, 2019. P. 229.

обуревающей нас тревоги. Что способно усмирить ее? Единственное, что способно усмирить тревогу и «что умиротворяет нас, – это существование Кого-то [с заглавной буквы], Иного [с заглавной буквы], Кто пожелал, чтобы они были, Кто заключил с ними завет, дав им бытие»¹⁵⁶.

В связи с подобными историями в ваших семьях я всегда думаю о трепете Бога. Если вы так трепещете перед судьбой ваших детей, представьте Бога, Который мог бы совершить множество дел, для вас даже не представимых, но ничего подобного не делает. Какой трепет! Почему же Он может ожидать, что Его поддерживает? Лишь полнота, которой Он живет. Поэтому единственное, что способно по-настоящему ответить на вашу тревогу, – целомудрие, то есть действительно крепкое отношение с Тайной, благодаря которому мы можем оставить детям их свободу. И не потому, что не желаем для них всех благ, но из желания, чтобы они достигли своего блага посредством его свободы. И для этого в нас должен быть такой мир, такая состоятельность, такая уверенность в существовании Того, Кто любит наших детей, Кто отдал жизнь за них, Кто заключил с ними завет, которая позволяет нам ждать их, как ждет Он. Какие же отношения нужно переживать нам со Христом, чтобы воспитывать детей и молодежь и не поддаваться искушению подменить собой их свободу!

Сказанное не означает, что мы ничего не можем сделать. Не то что Бог ничего не делал: Он послал Своего Сына, чтобы Тот отдал жизнь за нас и сделал возможным такой опыт полноты. Он послал Христа, не чтобы отнять у нас свободу. Христос ждал (говорили мы вчера), пока человек признает Его. А что можем сделать мы? То, в чем больше всего нуждаются наши дети: жить перед ними, а не просто говорить, что они должны делать. Давайте жить перед ними! И являть им такую притягательность, что красота, которую они видят живой в нас, станет для них вызовом и они присоединятся свободно, а не через силу. Часто мы заботимся, чтобы они последовали за чем-то, а не о их свободе.

Беспокойтесь за ваших детей? Тогда живите как взрослые люди, свидетельствуя им о притягательности вашей жизни. Бог не делал ничего другого: Он послал Своего Сына, чтобы явить нам могущественную притягательность, способную покорить нас Ему. Без этого мы будем созидать лишь пространства, где наши дети задыхаются, а не дышат, желая приобщаться к нашей жизни и участвовать в ней.

¹⁵⁶ *Ibidem*. P. 230.

Во время собрания на упражнениях Братства в Испании возник аналогичный вопрос о роли свободы для познания.

«Сегодня утром ты сказал, что свобода заключается не только в том, чтобы идти к Богу, когда Ты открыл Его для себя, она задействована и в самом открытии Бога. Я этого не понимаю. Мне кажется, открытие Бога есть нечто непосредственное: когда оно происходит, ты Его узнаешь. Что тогда значит, что свобода задействована в самом открытии Бога?»

Каррон. В этом-то и проблема. Мы не понимаем, что в познании постоянно участвуют разум и свобода. В «Религиозном чувстве» отец Джуссани описывает три предпосылки, включающие три элемента. Для познания, говорит он, нужны *реализм* (реальность стоит на первом месте: объект определяет метод познания), *разумность* (познающий субъект должен использовать разум надлежащим образом) и *нравственность* (вот тут-то и возникает свобода: субъект занимает ту или иную позицию, и это непременно требует вовлечения свободы)¹⁵⁷. Он приводит пример, помогающий понять наш вопрос. Когда Пастер открыл роль микроорганизмов в медицине, всем ученым нужно было бы признать значение того, что он увидел под микроскопом, настолько было ясно, что он прикоснулся к чему-то важному и новому. Но именно наиболее выдающиеся ученые того времени больше всех и ополчились против его открытия. Почему? Потому что дело касалось не только реальности и разума, но и свободы: они чувствовали, что открытие Пастера угрожало их авторитету.

Свобода играет решающую роль в познании. Все знали, что слепорожденный был слеп. И тем не менее после его чудесного исцеления нашлись те, кто пытался доказать, что это не он. Они были не готовы принять случившийся факт, их свобода отказывалась его признавать. И не потому, что он не являлся очевидным, а из-за исходной закрытости перед ним. Поэтому-то и говорится: «Всех слепее тот, кто не *хочет* видеть». Иными словами: свободе отведена главная роль в познании.

Свобода не вступает в игру только лишь на пути к тому, что было открыто, после этого открытия. Она нужна прежде всего для самого открытия. И потому в познании крайне важна простота сердца. Истории Пастера и слепорожденного относятся не только к прошлому, они имеют значение и для настоящего. Действительно, порой, побывав на какой-нибудь встрече и послушав, что рассказывают о ней некоторые люди, я спрашиваю себя: неужели мы были в одном и том же месте, видели одни и те же вещи? По

¹⁵⁷ См. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 5–38.

разным описаниям кажется, что произошло не то же самое. И у меня возникает вопрос, в чем причина: в том, что кто-то развил в себе более тонкий критический подход, или в том, что кто-то не настроен видеть? Без открытости, без готовности свободы мы и в самом деле больше не видим происходящее. Мы читали об этом на школе общины: «Можно пройти мимо чуда, мимо человеческого равновесия, мимо интенсивного опыта святости в Церкви, глядя на них с позиции глубокой отчужденности»¹⁵⁸, то есть не видя. А другой человек, напротив, приходит и, оказываясь перед теми же вещами, удивляется тому, что видит. Это подтверждает неизменную важную роль свободы в познании. И необходимо осознать ее, поскольку если что-то случается и мы этого не признаем (по какой угодно причине), то упускаем лучшее и думаем, будто ничего не происходит, хотя все совсем не так. Обратите внимание: я не признаю не потому, что ничего не происходит. Проблема именно тут: я говорю, что событие не может произойти, и поэтому, когда оно происходит, я его не признаю, отрицаю произошедшее и даже говорю: слепорожденный не был слеп, Пастер не видел то, что видел. Мы должны осознать фактор свободы. Ты говоришь: если нечто очевидно, какая тогда нужда в свободе? Не торопись. Свобода задействована, вовлечена сейчас, она играет определяющую роль в моем, в твоём признании происходящего в этот момент перед нами.

Проспери. «Ты сказал, что проверка – единственный путь персонализации веры. То, как ты об этом говоришь, вдохновляет, тогда как между нами же часто...»

Каррон. Вдохновляет, потому что проверка касается Христа, а не нас!

Проспери. Действительно, «между нами часто проверка переживается как морализм, и потому мы в действительности проверяем исключительно наши усилия, и это не может не угнетать».

Каррон. Прекрасно!

Проспери. «Помоги нам понять условия проверки, к которой ты нас призываешь. Если опыт Христа – некая точка невозврата, момент, когда возникает нерушимая притягательность, от которой я не в силах оторваться, то зачем тогда нужна проверка? О чем речь?»

¹⁵⁸ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 254.

Каррон. Мы должны увидеть, истинно ли произошедшее с нами в любой ситуации. Именно так мы становимся уверенной: нужно на опыте убедить-ся, что Христос нужен во всем, что Он в состоянии ответить на все, что это верно перед лицом любого вызова, а не только в тех случаях, когда, как нам кажется, Он может ответить. Это верно всегда! Чем больше вызов, тем сильнее я желаю увидеть, как Он справится на этот раз. Потому что проверка касается Христа. Если я ожидаю всего от Христа в любой ситуации (когда теряю ребенка или не могу его иметь) то все напряженнее смотрю, чтобы увидеть, как Он приведет меня к полноте, не осуществляя при этом моих представлений о свершении. Как удастся Ему дать мне во сто крат уже в этой жизни не согласно сложившимся у меня представлениям?

Мы думаем, что свершение – это лишь то, что вписывается в наши идеи, часто выражающие всеобщий менталитет. Но они слишком малы, слишком узаны. Готовы ли мы принять вызов и поверить, что Он в состоянии совершить нас вне всякой нашей меры? Даем ли мы Ему пространство для этого? В состоянии ли мы предоставить ему такой шанс? Вызов такой проверки принимают лишь простые сердцем люди, а не те, кто полагает, что Христос либо должен подстроиться под наши мысли, либо не сможет ответить.

Прспери. Последние два вопроса касаются места, которое есть путь. Ты особо подчеркивал этот пункт.

«Поясни, что это значит. Любая ли христианская компания годится? Или же есть какая-то особенная компания? И тогда каковы ее приметы?»

«Источник памяти – живая община, люди, которые находятся вместе потому, что существует Христос. Но то же самое место (люди, образующие его) может вызывать возражения? Как их преодолеть?»

Каррон. Место – это то, что начал и продолжает порождать Христос через людей, которых Он достигает и которые признают Его. Вопрос в том, ради Христа ли мы вместе, вместе ли мы потому, что желаем идти к судьбе – ко Христу. Спросим себя: является ли Христос причиной, по которой мы вместе (хотя бы в наших намерениях). Кто из нас хочет быть вместе, чтобы помогать друг другу идти к судьбе? Кто хочет быть вместе единственно и исключительно ради Христа? Задавшись таким вопросом, вы начнете замечать, кто составляет вам настоящую компанию. Приметы компании ясны, поскольку любых других причин для того, чтобы мы были вместе, недостаточно. И поэтому от нас требуется честность. Какие люди по-настоящему сопровождают меня? Все ли одинаковы? Мы умеем отличать докторов, которые отвечают на наши нужды, от тех, которые не отвечают. Как же

мы не понимаем, ведет нас компания к судьбе или нет? Неужели для этого нам нужно окончить курс в Гарварде? Давайте уже проснемся!

Место, которое есть путь, определить легко: его не нужно придумывать, достаточно признать и держаться его.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Ис. 50:4–7; Пс. 21 (22); Флп. 2:6–11; Лк. 22:14–23, 56

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ХУЛИАНА КАРРОНА

В эту Святую неделю Церковь свидетельствует нам о том, какой метод избрал Бог, чтобы привлечь нашу свободу, не аннулируя ее. «Христос Иисус, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого». Метод Бога в том, чтобы совлечься даже Своего божества, чтобы «принять образ раба». Так, соглашаясь на положение раба, всего Себя вверяя в руки Отца согласно замыслу, который и для Него был драматичен, ибо предполагал Его предание Себя и смерть, Христос явил нам единственный, с божественной точки зрения, подобающий метод привлечения нас к Богу: предание Себя, любовь до самого конца. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Вот какую любовь Бог открывает нашему взору. Церковь дает нам всю эту неделю, и мы должны всматриваться в нее, чтобы каждого из нас мог увлечь единственный метод, в который верит Бог, – Его любовь к нам. Ничто другое не в силах по-настоящему сдвинуть с мертвой точки нашу свободу, притянуть ее. Так проясняется путь для нас, призванных разделять тот же метод в отношениях со всеми людьми и тем самым передавать всем то, что нам было дано как благодать: пламенную любовь к их судьбе, подобную любви Христа к нам, интерес к каждому из них, подобный интересу, проявленному к нам Богом. Вот наш вклад в жизнь мира, и он не может отличаться от того, как действовал Бог. И потому благодарность охватывает нашу жизнь, когда мы видим, как возлюбил нас Бог, чтобы и мы сами могли свидетельствовать о Нем всем, будучи свободными от результатов, как и Он был свободен, когда предал Себя и вверил все в руки Своего Отца.

ОБЪЯВЛЕНИЕ Хулиан Каррон

Общий фонд

Всегда очень трогательно получать ваши письма, касающиеся общего фонда.

«С большим сожалением я просмотрела историю моих взносов за прошлый год. Я отдавала и отдаю себе отчет в ситуации. Моя семья испытывает серьезные финансовые затруднения. Доходы, уже и так низкие, в последнее время стали еще меньше, поскольку рынок труда, связанный с профессией моего мужа, сократился и попытки найти новые заработки ничем не увенчались. Вероятно, нам придется что-то решать с нашим домом. Поэтому я сокращаю вдвое мой и без того минимальный взнос в надежде, что так мне проще будет оставаться верной этому обязательству. Я хочу сохранить прочную связь с дружбой, которая учила и учит меня смыслу жизни».

Я прочитал вам это письмо, поскольку, признаюсь, меня наполняет взволнованностью простота, с которой эта женщина, не имея возможности выполнять принятое на себя обязательство, сокращает размер взноса. Тот факт, что среди нас есть люди, обладающие такой свободой, говорит о их взрослой сознательности.

Среди писем, полученных нами в период подготовки к упражнениям, были те, что касались общего фонда, и меня поразил опыт, описанный в некоторых из них.

«Когда отец Джуссани выступил с предложением „покупать кирпичи“, чтобы приобрести школу Святого Сердца и дать Движению „дом“, мы с женой, никогда не имевшие возможности обзавестись собственным домом, отправились в банк за займом».

«Моя фирма обанкротилась, и я почти на год остался без работы, а в последующие пятнадцать лет вынужден был выплачивать существенную часть моих доходов, чтобы покрыть долг, возникший из-за банкротства. В течение всего этого времени одно мы хотели делать неизменно, и это почти всегда выдвигалось на первый план, – взносы в общий фонд Братства. Разумеется, нам пришлось уменьшить сумму, и до сих пор еще нам не удастся вернуться на прежний уровень, но мы никогда не переставали. Почему? Потому что мы верим: поддерживая это присутствие, эту жизнь, которая непосредственно есть Движение, а опосредованно – Церковь, мы действительно гарантируем их материальное продолжение, благодаря чему наши дети и наши внуки смогут встретить и избрать для себя это присутствие, как смогли в свое время мы». Так говорит человек, понявший важность того, чем мы вместе живем.

Двое молодоженов пишут: «Решение сказать да призванию, к которому Господь нас зовет, родилось и окрепло по мере того пути веры, что мы вдвоем

совершаем на протяжении многих лет. На этом пути компания Движения была существенным фактором. Без компании, постоянно помогающей нам смотреть вглубь самих себя, а значит, и открывать, что мы состоим в непрерывном отношении с Тайной, этот шаг был бы для нас непредставим. Благодарные за произошедшую с нами встречу, мы желаем внести свой вклад в развитие Движения, надеясь, что и других достигнет та же благодать, которая достигла нас. Поэтому хотим сделать пожертвование в поддержку нужд и инициатив Движения».

Некоторые из вас признательны за то, что после различных перипетий смогли получить диплом. Кому-то исполнилось шестьдесят лет, и человек пожертвовал деньги на наши миссии, «чтобы Христа больше узнавали и любили в мире». Одна группа Братства сделала внеочередной взнос по случаю пятидесятой годовщины супружеской пары из своего числа как «знак благодарности за их жизнь и совместное повседневное признание воплощенного Присутствия, преображающего дни и все время».

Наконец, нас удивил друг, позвонивший в секретариат Братства и сказавший, что в этом году у него впервые не получится приехать на упражнения из-за проблем со здоровьем. Как бы то ни было, он хотел по мере сил участвовать в них и потому сделал внеочередной взнос, равный стоимости участия в упражнениях.

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дорогие друзья,

в очередной раз Провидение дарует всем членам Братства «Общения и освобождения» возможность вместе участвовать в интенсивных духовных упражнениях.

Упражнения – особая возможность углубить отношение со Христом, смыслом всего нашего существования, и научиться в отношении с Ним принимать любого брата по вере, любого человека.

«*Что выстоит под ударами времени?*» Тема этого года сразу же выявляет ясное сознание о тяготах, которые мы переживаем как на церковном, так и на гражданском уровне.

Личность слуги Божия монсеньора Джуссани и его харизма указывают нам ответ на поставленный вопрос. Мы живем в истине и справедливости, только когда позволяем просить в нас решению нашей веры – желанию следовать, несмотря на наши недостатки, на то, какое направление Бог задает нашему существованию и существованию всей человеческой семьи. Лишь свобода, послушно дающая руке Божией вести нас, выдерживает удары времени и преобразует его, хотя и не без жертвы и страданий, в возможность жизни более насыщенной и прекрасной.

Уверяю всех вас в моих молитвах и в моем благословении.

С любовью,

*Его Высокопреосвященство кардинал Анджело Скола,
архиепископ Милана на покое*

Дорогой отец Хулиан Каррон,

прими мое приветствие и мою молитву о добрых плодах духовных упражнений Братства «Общение и освобождение» этого 2019 года.

Я близок к вам всем в эти благодатные дни, как всегда очень важные для возрастания в опыте харизмы отца Джуссани, которая оказывается в состоянии отвечать на ожидания сердца, помогая многим людям встретить Христа и Церковь.

Упражнения суть событие, ибо они делают возможным новое начало и свидетельствуют о том, что притягательность первой встречи способна сохраняться во времени. И потому вопрос о том, что выстоит под ударами времени, ставит нас в правильную и далеко не самоочевидную позицию смирения и открытости, позволяя нам черпать живую воду любви Христовой, текущую в жизнь вечную (ср. *Ин.* 4:14).

Молюсь о Братстве «Общения и освобождения», которое ты, Хулиан, направляешь, чтобы в совершенной верности Святейшему Отцу Франциску

оно с пламенным усердием продолжало свою миссию и было знаком постоянного пребывания милосердия Господа в Церкви и в мире.

Сердечно вас приветствую и спрашиваю для всех вас благословение Господа и заступничество Матери Божией.

*Его Высокопреосвященство Филиппо Санторо,
архиепископ митрополит Таранто*

Дорогой отец Хулиан,

меня очень поразило, что темой упражнений в этом году стал вопрос: «Что выстоит под ударами времени?» В настоящие времена, когда для Церкви наступил страстной час, когда в сердцах наших братьев людей царит глубокое замешательство, именно этот драматичный вопрос является истинным.

И несмотря ни на что, есть Присутствие, которое невозможно умалить, по благодати вновь входящее в жизнь реальных мужчин и женщин, порой в самых непредсказуемых обстоятельствах. Лишь событие «Того, Кто среди нас», Воскресшего, Который жив («Christus vivit») способно выстоять под ударами времени.

Сопровождаю моей молитвой и благословением ваши упражнения, чтобы они были исполнены Его сладостного присутствия.

*Его Высокопреосвященство Коррадо Сангвинети,
епископ Павии*

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Его Святейшеству папе Франциску

Ваше Святейшество,

двадцать две тысячи членов Братства «Общения и освобождения» приняли участие в ежегодных духовных упражнениях в Римини, темой которых стал вопрос «Что выстоит под ударами времени?» Тысячи людей присоединились к ним по спутниковой связи из тринадцати стран. Вняв призыву, который Вы обратили к нам в Вашем послании (и мы благодарны Вам за него), призыву «вглядываться в знамения времени», мы различили одно из таких знамений в неотложной потребности, чтобы в происходящую сейчас перемену эпохи, что-то оставалось. Так мы лучше осознали природу христианства, достигшего нас в харизме отца Джуссани: это была непредвиденная встреча, позволившая нам ощутить оказанное нам предпочтение. «Ты драгоценен в Моих очах» (Ср. Ис. 43:4). Мы вжились в опыт первых учеников: «Ученики, которые последовали за Ним, были такими же бедолагами, как я и ты, но Его Присутствие определяло их как новую надежду, совершенно новую уверенность, новую реальность. Его Присутствие современно мне, моим детям, тем, кто придет позже, через сто миллионов лет, – и вот победа, побеждающая мир, вот совершенная новизна, вот божественное в истории!» Единственный, кто выдерживает удары времени, «Тот, кто нас освобождает, есть Тот, Кто жив, Христос воскресший» (*Christus vivit*), Который неизменно присутствует в истории в месте жизни, в святой Церкви, и достигает нас в свидетелях святости.

Мы возвращаемся домой более уверенными в том, что Он жив, ибо Он уже здесь и сейчас дает нам во сто крат радости, мира и ликования, наполняющих нас изумлением. Просим у Богородицы, чтобы все, к чему мы прикоснемся, было охвачено покорившей нас новизной. Продолжаем молиться и о Вас, Ваше Святейшество, свидетельствующем нам о Живом Боге радостью, которую мы видим на Вашем лице отца и пастыря христианского народа.

Все мы, Ваши чада из Братства, желаем Вам светлой Пасхи!

Свящ. Хулиан Каррон

Его Святейшеству папе на покое Бенедикту XVI

Ваше Святейшество,
в центре духовных упражнений Братства «Общениа и освобождения» стоял вопрос, который отец Джуссани задал себе, когда случилась революция шестьдесят восьмого года, упомянутая на днях и вами: «Что выстоит под ударами времени?» Мы глубже осознали, в чем заключается инаковость христианства как нового события в мире: живет то, что живет в настоящем, Христос воскресший. Именно Он выдерживает удары времени. Поразительно читать в Вашем недавнем тексте, что Воскресший достигает нас сегодня в «святой Церкви» через «свидетелей живого Бога», которые делают нас «радостными в вере»! Прекрасно сознавая, в каком неоплатном долгу мы все находимся перед Вами, поздравляем Вас с днем рождения и желаем светлой Пасхи.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Кевину Джозефу Фарреллу,
префекту дикастерии по делам мирян, семьи и жизни*

Дорогой владыка,
двадцать две тысячи членов Братства «Общениа и освобождения» приняли участие в ежегодных духовных упражнениях в Римини. Тысячи людей подключились к ним по спутниковой связи из тринадцати стран. На вопрос о том, что выстоит под ударами времени, мы ответили словами папы Франциска: «Тот, Кто жив. Христос воскресший» (*Christus vivit*), достигающий нас в конкретной исторической встрече. Памятуя о харизме отца Джуссани, нашего отца в вере, которая наполняет нас воодушевлением по отношению ко Христу и к папе, мы обновляем наше обязательство свидетельствовать о новизне, навсегда покорившей нас, и созидать, насколько это возможно, жизненные пространства для веры. Светлого Христова Воскресения.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Гуальтьеро Бассетти,
президенту конференции епископов Италии*

Дорогой владыка!
Что выстоит под ударами времени? Об этом мы спросили себя во время духовных упражнений, собравших в Римини двадцать две тысячи членов Братства «Общениа и освобождения» со всей Италии. В наследии отца Джус-

сани и в учительстве папы Франциска мы нашли убедительный ответ, позволяющий победить страх, столь распространенный сегодня среди наших братьев. «Живет то, что живет в настоящем!» «Тот, кто нас освобождает, есть Тот, Кто жив, Христос воскресший» (*Christus vivit*). Об этом мы желаем свидетельствовать в повседневной жизни как чада «святой Церкви», радуясь в вере и будучи готовыми встречаться со всеми. Светлой Пасхи!

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Сколе,
архиепископу Милана на покое*

Спасибо, дорогой Анджело,

за то, что ты нам написал. Путь, проделанный отцом Джуссани, помог нам глубже осознать: лишь непредвиденная и неожиданная новизна, которая вошла в нашу жизнь, – живой Христос – в состоянии выстоять под ударами времени. Мы видим это по плодам в жизни тех, кто решает следовать за Его очевидным присутствием, по радости и душевному миру, наполняющим благодарностью. Светлой Пасхи.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству монсеньору Филиппо Санторо,
архиепископу митрополиту Таранто*

Дорогой Филиппо,

благодарные за твои молитвы, мы обновили нашу готовность покориться притягательности Христа, сознавая, что лишь Он выдерживает удары времени. Такова уверенность нашей веры и нашей миссии в мире. Светлой Пасхи!

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству монсеньору Коррадо Сангвинети,
епископу Павии*

Дорогой Коррадо,

столь драматичное для жизни Церкви время стало для нас драгоценной возможностью осознать, что под ударами времени способны выстоять не наши усилия, а победа Христа, «Того, Кто среди нас», Кто присутствует в сегодняшней истории, как и две тысячи лет назад. Светлой Пасхи!

Свящ. Хулиан Каррон

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Сандро Кьеричи

*Комментарий к произведениям искусства,
показом которых сопровождалась фрагменты классической музыки,
звучавшие перед началом и по завершении встреч.*

Фрески XV века из Сикстинской капеллы

Этот цикл фресок, украшающий стены Сикстинской капеллы, создан в период с 1481 по 1483 год некоторыми выдающимися мастерами Возрождения. По иконографическому замыслу его должны были составить два ряда соответственных картин из жизни Моисея и Иисуса, изображенных параллельно и полных обоюдных отсылок. Две начальные картины («Рождение и нахождение Моисея» и «Рождество Христово») были уничтожены, чтобы освободить место на дальней стене для «Страшного Суда» Микеланджело. Сцены из жизни Моисея располагаются по левой стороне, из жизни Христа – на правой. Финальные сцены, написанные на стене при входе относятся к более позднему времени. Каждая сцена почти в кинематографическом ключе представляет сразу несколько эпизодов.

Сцены из жизни Моисея

1. Пьетро Перуджино. *Моисей покидает дом своего тестя Иофора: Путешествие Моисея в Египет; Обрезание сына Моисея* (Исх. 4:18–26).
2. Сандро Боттичелли. *Эпизоды из жизни Моисея: Убийство египтянина; Встреча с дочерьми Иофора; Неопалимая купина; Еврейский народ покидает Египет* (Исх. 2:11–21; 3:1–12).
3. Козимо Росселли. *Переход через Красное море: Фараон держит совет с военачальниками; Египетское войско гибнет в водах Красного моря; Победная песнь еврейского народа* (Исх. 14:5–31).

4. Козимо Россели. **Скрижали Завета и золотой телец:** Моисей получает скрижали Завета; Воды Массы и Меривы; Поклонение золотому тельцу; Моисей разбивает скрижали Завета; Моисей приносит скрижали Завета народу (Исх. 24:12–17; 32:1–35; 34:1–4).

5. Сандро Боттичелли. **Наказание Корея, Дафана и Авирона:** Левиты собираются побить Моисея камнями; Сцена с камином; наказание непокорных (Числ. 16:1–35).

6. Лука Синьорелли. **Исполнение Завета и смерть Моисея:** Еврейский народ собирается вокруг Моисея; Иисус Навин получает жезл власти; Ангел с горы Нево показывает Моисею землю обетованную; Схождение с горы; Смерть Моисея (Втор. 33; 34).

7. Хендрик ван ден Брук (XVI век). **Спор святого Михаила и Сатаны над телом Моисея.** По оригиналу Доменико Гирландайо.

Сцены из жизни Иисуса

1. Пьетро Перуджино. **Крещение Иисуса:** Отец благословляющий; Проповедь Иоанна Крестителя; Крещение Иисуса; Проповедь Иисуса (Мф. 3:13–17; Мк. 1:9–11; Лк. 3:21–22; Ин. 1:29–34).

2. Сандро Боттичелли. **Искушение Иисуса:** Три искушения Иисуса; Иисус отсылает дьявола прочь; Ангелы служат Иисусу; Иисус в окружении ангелов (Мф. 4:1–11; Мк. 1:40–45; Лу. 5:12–16).

3. Доменико Гирландайо. **Призвание учеников:** Призвание Петра и Андрея; Чудесный лов рыб; Призвание Иакова и Иоанна (Мф. 4:18–22; Мк. 1:16–20; Лк. 5:1–11).

4. Козимо Россели. **Нагорная проповедь и исцеление прокаженного** (Мф. 5 и 7; Лк. 6:17–49; Мф. 8:1–4; Мк. 1:40–45; Лк. 5:12–16).

5. Пьетро Перуджино. **Вручение ключей: Кесарево кесарю; Иисуса хотят побить камнями** (Мф. 17:24–27; Ин. 8:31–59; 10:31–39).

6. Косимо Росселли. **Тайная вечеря**: *Моление в саду; Арест Иисуса; Распятие* (Мф. 26:17–29; Мк. 14:12–25; Лк. 22:7–23; Ин. 13:21–30).

7. Маттео да Лечче (XVI век). **Воскресение**. По оригиналу Луки Синьорелли.

Репродукции подготовлены Дж. Ваннини и Дж. Роли для издательства «Scripta Maneant».

Copyright Governatorato SCV – Direzione dei Musei Vaticani.

Все права защищены.

КОММЕНТАРИЙ ОТЦА ДЖУССАНИ К МУЗЫКАЛЬНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ, ЗВУЧАВШИМ ПРИ ВХОДЕ В ЗАЛ

Цитаты приводятся по изданию: *Spirto Gentil. Un invito all'ascolto della grande musica guidati da Luigi Giussani* / A cura di S. Chierici e S. Giampaolo. Milano: Bur, 2011.

Пятница, 12 апреля, вечер. Л. ван Бетховен. *Симфония № 7*

«Один аккорд наполняет практически весь этот отрывок и господствует в нем, тогда как мелодия столь волнительна и столь богата вариациями, что человек должен бы быть доволен, но уже не может: тема судьбы и печали непреходящим фоном возвышается над темой жизни» (Р. 96).

Суббота, 13 апреля, утро. Л. ван Бетховен. *Струнный квартет ля минор, ор. 132*

«„Благо есть славить Господа“, благо – признавать Его! Послушаем – хотя бы одну минуту – Бетховена и скажем внутри себя: как прекрасно! Красота признания Господа – той же природы, но глубже, как корень, углубляющий едва намеченную наружность рождающегося дерева; куда глубже и несравненно прочнее: всеобъемлющая форма на фоне форм частичных и эфемерных» (Р. 175).

Суббота, 13 апреля, вечер. В. А. Моцарт. *Концерт для фортепиано с оркестром ре минор № 20*

«Красота есть связь между настоящим и вечностью, и потому настоящее – знак вечного, начало вечного, исходный опыт вечного, и потому вкус к жизни начинает гореть нотой, которую ни с чем не спутаешь, непрерывной нотой: правдой, любовью. Одним словом, потребностью полного удовлетворения, потребностью в свершении „я“ (лишь благодаря радостному присутствию наше сердце в свою очередь становится радостным; если мы одиноки, радость не может расцвести в нас)» (Р. 64).

Воскресенье, 14 апреля, утро. В. А. Моцарт. *Сонаты для фортепиано и скрипки К 304, 376, 378, 301*

«Чарующая, проникновенная, убедительная музыка Моцарта... рождается из опыта абсолютной безвозмездной милости Бытия, Которое снова

и снова склоняется над неизбежной человеческой нищетой. <...> Что такое эта милость, если не желание извечной Тайны и чуть ли не терзание (терзание в высшем его проявлении, которое есть Христос на кресте), чтобы мы были счастливы? Не только в ином мире, но сегодня! Сегодня, сейчас» (Р. 86).

Содержание

ПОСЛАНИЕ ПАПЫ ФРАНЦИСКА 3

Пятница, 12 апреля, вечер

ВВЕДЕНИЕ 4

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО 16

Суббота, 13 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – **«Блаженны чистые сердцем,
ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8)** 17

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА
МОНСЕНЬОРА МАТТЕО ДЗУППИ 37

Суббота, 13 апреля, вечер

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – **«Сия есть победа,
побеждающая мир, вера наша» (1 Ин. 5:4)** 42

Воскресенье, 14 апреля, утро

СОБРАНИЕ 64

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ХУЛИАНА КАРРОНА 83

ОБЪЯВЛЕНИЕ 84

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ 86

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ 88

ИСКУССТВО И МУЗЫКА В НАШЕЙ КОМПАНИИ 91

Перевод с итальянского: А. Шилова

© Л. Джуссани, Х. Каррон, Братство «Общениа и освобождения», 2019

На обложке: *Христос воскрешает избранных в лимбе* (XV век)
Капелла Св. Себастьяна, Ланлевиллар, Франция. © De Agostini Picture Library / Scala, Firenze

